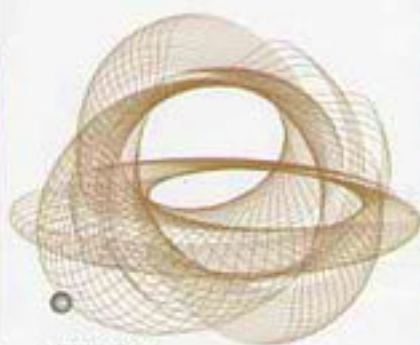


ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ



ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

КАПИТАН
УЛЬДЕМИР



Капитан Ульдемир

Владимир Михайлов
Сторож брату моему

«Автор»

1976

Михайлов В. Д.

Сторож брату моему / В. Д. Михайлов — «Автор»,
1976 — (Капитан Ульдемир)

Звезда Даль грозит вспыхнуть Сверхновой, а у нее оказалась планета, населенная потомками одной из первых земных межзвездных экспедиций. Чтобы спасти население Земли, нужно погасить Звезду Даль, но тогда надо эвакуировать население планеты. Это и пытается сделать команда Ульдемира.

© Михайлов В. Д., 1976

© Автор, 1976

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	16
Глава пятая	25
Глава шестая	30
Глава седьмая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Михайлов

Сторож брату моему

Глава первая

Я плохо помню день своих похорон, зато день гибели до сих пор перед глазами. Вернее, не день; он успел уже кончиться, сентябрьский денек семьдесят третьего года, уточняя – одна тысяча девятьсот семьдесят третьего. Уточняю для тех, кто не сразу поймет, что происходило в двадцатом веке, так невозможно давно. День уполз за горизонт, сумерки сгустились, когда я позвонил ей. Она подошла к телефону и, едва я успел что-то пролопотать, сказала голосом, в котором была бесконечная усталость:

– Я разочаровалась в тебе.

Разочарование – приятное словечко. Приятное ретроспективно: оно как-никак предполагает, что перед этим она была мною очарована, а в этом я как раз был меньше всего уверен. Так что таилась в слове некоторая возможность, крылся повод порадоваться хотя бы за свое прошлое, когда тобою очаровались, а не наоборот.

Но я не испытал ровно никакой радости. С таким же успехом можно гордиться тем, что тебя стукнули по затылку топором, а не молотком: значит, сочли серьезным противником, высоко оценили крепость черепа. Боюсь только, что после такого удара не остается времени для оценки оказанного тебе уважения – вот и у меня в тот раз времени не осталось.

В ответ я тогда, помнится, изрек что-то вроде:

– Ну извини...

И положил трубку, и даже прижал ее крепче – чтобы трубка, не дай Бог, не подскочила сама к уху и не пришлось бы услышать что-нибудь еще похуже.

Похуже – потому что я знал, что никаких смягчений вынесенного приговора не последует. Нуш имела обыкновение говорить то, что чувствовала; именно чувствовала, а не думала.

И вот я, положив трубку, сидел и не то чтобы размышлял, но инстинктивно искал ту дырку, в которую можно было бы удрать от самого себя, потому что если Нуш разочаровалась, то виновата в этом наверняка была не она, а именно я, и от этого «меня самого» надо было куда-то деваться – оставаться в своем обществе мне ну никак не хотелось. Но мысли мои всего лишь бодро выполняли команду «на месте», и ничего остроумного не появлялось; хотя я по старой армейской привычке раза два попробовал скомандовать: «Дельные мысли, три шага вперед!» – ни одна не нарушила строя. Однако поскольку положение, в котором я оказался, было довольно-таки стереотипным, то оставалась возможность воспользоваться каким-то из стандартных выходов – и их человечество даже к двадцатому веку успело уже наработать немалую толику.

Отделаться от себя самого можно было, например, с помощью хорошей выпивки. Бывало, что друзья проявляли скромность, и где-то за книгами застаивалась не обнаруженная ими бутылка. Память подсказала, что искать бесполезно, но я на всякий случай встал – двигался я словно в невесомости, не ощущая тяжести тела, – и пошарил. Безуспешно: не те друзья заходили ко мне в последний раз. Этот стереотип отпадал; надо было искать еще что-нибудь.

Я взял трубку. Не телефонную – о ней мне в тот миг и думать не хотелось, словно это она сама выговорила услышанные мною слова; я судил, конечно, неправильно, потому что по телефону, быть может, удалось бы разыскать кого-нибудь из приятелей, а поплакать другу в жилетку – тоже стереотипный выход, и не самый худший: посочувствуют тебе, а не ей, хотя кому из вас двоих сейчас хуже – трудно сказать. Ну да ведь и ее кто-нибудь утешит! (Этой мысли мне только не хватало.) Итак, я взял трубку, хорошую, старую английскую трубку «Три

би», медленно набил ее (табак, как обычно, был пересушен), потер пальцами чубук, лихо отваленный вперед, словно форштевень клипера, сунул длинный мундштук в рот и раскурил.

Что делать дальше, я так и не придумал, но раз уж я встал, надо было двигаться; переживать в темной комнате еще тоскливей, чем в освещенной, а зажечь свет я не хотел, потому что тогда мог увидеть в темном окне свое отражение; на такое я в тот миг не был способен. Я толкнул дверь, вышел на веранду, на крылечко и спустился в сад.

Совсем стемнело, и небо было спокойным и ясным, и звезды, вечные утешительницы, своим неощутимым светом прикоснулись к моему лицу. Летучая мышь промчалась бесшумно и низко, круто метнулась в сторону и через мгновение кинулась еще куда-то; ловила мошек, верно; но мне в тот миг показалось, что это – проекция моей души на звездное небо и что во мне сейчас что-то – душа, коли нет иного термина, – вот так же мечется, ловя ускользящую добычу и шарахаясь от препятствий. У летучей мыши для этого есть, как известно, локатор. А у меня что было? Я подумал и нашел словечко: судьба.

Я шел вдоль забора, мимо хилых яблонь, и думал: где у человека судьба? Медики вроде бы знают, какие центры в организме, в головном мозге ведают разными функциями: зрением, слухом, болью, удовольствием, даже, может быть, памятью. А где центр судьбы? Без него, думал я, никак нельзя: ведь судьба – не вне человека, а в нем самом, потому-то от нее и не уйти. (Истина, известная настолько давно, что даже в том, двадцатом, веке она была банальностью.) Не уйти; а уйти мне хотелось, потому что после сказанных и услышанных нынче слов судьба моя могла заключаться лишь в одном: неторопливо стареть. И этой судьбы я не желал.

Молодость – существо, и она не хочет умирать. Вообще человек живет несколько почти совсем независимых жизней, и, значит, его постигает несколько смертей. Умирает детство, умирает юность. Но детство умирает, само того не понимая, и ему интересно: детство жаждет перемен. Юность – героически: она полагает, что все еще впереди и смерть ее – всего лишь переход в лучший мир, юность в этом смысле крайне религиозна, она бесконечно верит в жизнь. Молодость – иное; она уже просматривает путь далеко вперед и чувствует себя примерно так, как тот, что падал со сто какого-то этажа и, когда из окна пятидесятого ему крикнули: «Как дела?» – бодро ответил: «Пока – ничего». Молодость не хочет умирать, даже составившись, даже когда она уже – старая молодость.

Да, я не хотел этой смерти, а нетопырь все суетился вверху, и звезды оглаживали его так же, как и меня. Я тронул пальцами ствол; кора была теплая. Я нагнулся и ладонью коснулся травы, и она показалась мне нежной, как волосы Нуш.

Впрочем, может, и не нетопырь метался над головой, а совсем другая летучая мышь. Просто в детстве я очень любил «Маугли» и до сих пор помнил песенку оттуда:

На крылья Чили пала ночь,
Летят нетопыри...

Теперь-то я знал, что ребенок, попавший в джунгли, не вырастет человеком, хотя биологически и останется им. А в детстве мне казалось, что только там, в лесу, можно жить по-настоящему, что в нем – подлинная свобода. Поэтому, наверное, я, горожанин, всю жизнь так любил лес. Лес, братство человека, зверей, всей природы. И сейчас, когда трогал кору яблоньки, глядел траву и глядел на звезды и на летучую мышь, я понял вдруг, какой выход есть для моей боли, моей скорби о Нуш и о любви. Не надо было ни пить, ни искать приятелей и плакаться. Нужно было попытаться снова найти тот общий язык со всем, что окружало меня, который я в детстве знал и забыл впоследствии, когда стал воспринимать природу как декорацию или условие рациональной жизни. Надо было окунуться в природу, нырнуть в нее, погрузиться – может быть, даже раствориться и оставаться в ней до тех пор, пока она не вымоет из меня все лишнее, из-за чего, быть может, Нуш и сказала о своем разочаровании.

Это было уже почти готовое решение. Окунуться, вынырнуть, погрузиться, раствориться (и немедленно, ждать не мог) – слова, словно специально подобранные, сами указывали направление.

Мы зародились в воде и вышли из нее. Мы – жизнь. Мы состоим из воды и еще малости чего-то. Окунуться в лес можно, но это – ощущение более психологическое, чем физическое. Все равно мы остаемся в привычной среде, только чуть иными становятся шумы и запахи. Окунуться в воду – совсем иное. Иная сущность обнимает тебя со всех сторон, словно мать, к которой ты наконец вернулся – а она терпеливо ждала... Недаром я всегда любил плавать, боязнь воды казалась мне неестественной, утонуть – невозможным: не может ведь мать пожелать зла одному из чад своих. И вот я решительно прошагал к калитке, отворил и захлопнул ее за собой.

В сентябре большинство дачников уже разъезжается: дети идут в школу, а дача на три четверти – для детей. И я шел по безмолвной улице пустого темного поселка, а впереди, метрах в трехстах, рисовалась темная гряда ольшаника, обозначающая берег. Я пошел напрямик, полем, сокращая путь, раз и другой пересек дорогу, вышел на прибрежную полянку и нырнул в кустарник, сразу же нащупав знакомую тропинку. Она бежала вдоль реки по самой кромке, вдоль невысокого – метра в два-три – обрыва. Надо было только отводить от лица невидимые во мгле ветви. Минут пять я пробирался, пока не вышел наконец на любимое место: тут летом мы купались с сыном. Быстро разделся и ступил в прохладную, но для обитателя Прибалтики вполне еще приемлемую воду.

Гауя – река мелкая, но стремительная и с причудами. В ней тонут, бывает. Но я-то знал, что не утону. Мы с рекой были одной крови, она и я. Поэтому, пройдя метров десять по щиколотку в воде и добравшись до места, где дно стало понемногу опускаться, я просто лег на воду и отдался стремительному потоку, выставив руки вперед, чтобы не шарахнуться головой о какую-нибудь корягу, каких в этой реке множество.

Не шевеля ни пальцем, я летел вперед со скоростью академического скифа – такое уж тут течение. Назад придется возвращаться бегом вдоль берега: против течения не выгребешь.

Так я подумал и ощутил холодок: как-никак был сентябрь, а Гауя и в июле – не из теплых рек. И тут меня охватил азарт: что значит – не выгребешь? А если постараться? Согреться все равно нужно было.

Я повернулся головой против течения и пошел брассом, на два гребка. И наконец-то почувствовал состояние растворенности в реке, единства с нею, со всей природой, со всем мирозданием и со звездами, что все так же, наверное, светили наверху, но теперь уже не они, а вода ласкала меня. Я плыл и плыл, и хотелось плыть так всегда, я был невесом, руки и ноги работали ритмично, усталость еще не пришла, и можно было помечтать о возможности плыть вот так – где-нибудь в теплых морях, что ли...

Даже не знаю: продвинулся ли я против течения, держался ли на месте, или меня все-таки сносило. Думаю, что не сносило: плавал я хорошо. И вот в очередной раз вдохнул воздух, и лицо снова ушло в воду, – но ноги не сделали гребка, и руки не вышли вперед, как им полагалось...

Так и не знаю, что произошло тогда: сердце ли, конвульсия, просто ли не захотелось возвращаться домой из этого мира, где я был один и не было того второго меня, от которого я так хотел сегодня отделаться, – или же «частый гребень» именно в тот миг нащупал меня, стрелки на далеком пульте показали величину индекса, кто-то кивнул – и мои руки и ноги остановились.

Так и не знаю, были ли яркие огни, которые я увидел, когда вдохнул воду и понял, что тону, когда хотел крикнуть «Нуш!..» и не смог, когда сообразил вдруг: надо было звонить еще раз, два раза, сто раз, потому что не сегодня-завтра девушка двадцати с небольшим лет поняла бы, что нельзя рубить голову, даже не выслушав обвиняемого, – не знаю, были ли эти яркие

огни реальностью, той другой, вернее – этой другой реальностью, или так и должно быть, когда тонешь. Может быть, и то и другое, но в операционном зале «частого гребня» я больше никогда не был – нам и не полагается бывать там. Похороны свои я видел в записи. Биоробот был очень похож на меня, насколько можно быть похожим на себя, если тебя находят на второй день черт знает где и ты успел уже стать кадровым уопленником.

Я попытался разглядеть, была ли Нуш на похоронах. Народу было средне – не много и не мало, но запись хронисты сделали довольно скверную, да и то все общим планом. Только того, другого меня, от которого я так хотел отделаться, мне показали крупно, чтобы у меня не оставалось сомнений.

Я все-таки думаю, что она была там. Что ей в конце концов стоило прийти? Ее там никто не знал, да и вообще между нами ничего не было. Кроме, разве что, любви. И то лишь с моей стороны.

Глава вторая

В обширном зале сиденья поднимались амфитеатром к высокому куполу, но занятых было очень немного, в самом низу. Посреди зала, чуть выше сидевших, пылала звезда – желтая, горячая, живая, с короной, с протуберанцами; но звезда не была Солнцем, несколько иным был оттенок. Почему-то хотелось, чтобы пылала звезда шумно, с огненным ревом, с грохочущим треском – но тишина окружала светило, как в мировом пространстве, и люди тоже молчали, только смотрели, бессознательно поеживаясь. Потом один проговорил: «Давайте». И мир сломался: звезда расслоилась, как круглое яйцо с желтком и белком, и белок взорвался, расширяясь, разлетаясь, несясь во все стороны (люди невольно отшатнулись, прижались к спинкам, один-другой закрыли лицо ладонями), желток же стал стремительно уменьшаться, меняя цвет. Расширяющееся пламя достигло людей, охватило их, промчалось и унеслось куда-то за стены зала, а вернее, просто погасло, потому что оператор выключил изображение. Зажженный в зале обычный свет после виденного показался глубокими сумерками. Люди еще помолчали, потом один из них сказал негромко:

– Вот картина того, что должно произойти. Мы интерпретировали по Шувалову-Кристиансену. Последствия рассчитаны. Выводы неутешительны: температура у нас, учитывая расстояние от источника опасности, не повысится настолько, чтобы грозить глобальными катастрофами, но жесткая компонента... от нее нам не укрыться. Неизбежно возникновение мутаций, непредсказуемые изменения генетической картины у всего живого, начиная с одноклеточных и кончая нами.

– Возможны меры защиты? – спросил первый голос.

– Нейтрализовать эти излучения нельзя. Построить экран для целой планеты? Мы просто не успеем. Перевести жизнь под землю – тоже. Генная инженерия могла бы помочь, если бы речь шла о единицах, пусть тысячах – но не о миллиардах людей. Так что я вижу один путь. Любой из нас видит один путь. К счастью, мы не безоружны. Установка готова. Я, конечно, не рассчитывал, что применить ее придется так скоро – и в столь, м-м, драматических обстоятельствах. Есть еще отдельные уязвимые места, но к моменту готовности экспедиции я смогу поручиться за прибор.

Снова было молчание. Потом первый голос спросил:

– Успеем ли мы подготовить экспедицию? После столь продолжительного перерыва? Это первый вопрос. И второй: каков будет риск для участников экспедиции? По первому вопросу, пожалуйста.

Третий голос был медленным, слово четко отделялось от слова:

– Мы отменим запуск очередного галактического зонда и на его базе будем создавать населенный корабль. То есть начнем работу не с нуля. Используем исторический опыт.

– Чем же сможет помочь опыт экспедиций, уходивших сотни лет назад?

– Экспедиции были густонаселенными. Мы возьмем у них все, что касается условий обитания в корабле. Ну, осовременим, разумеется.

– Сколько вам потребуется времени?

– Год.

– Теперь прошу по второму вопросу.

Ответил тот же, что говорил об установке:

– Риск для участников сохранится. Процент его сейчас определить трудно, но в первом приближении – так, примерно двадцать пять.

– Двадцать пять процентов риска?

– Да. Но мы еще уточним.

– В чем заключается риск?

- Во-первых, они могут не успеть. Но это будет означать и нашу гибель. Вернее, вашу.
 - А себя вы выносите за скобки?
 - Это ведь моя установка. Значит, я буду там.
 - Послушайте, Шувалов...
 - Мое право и обязанность. Второй источник риска: сама установка.
 - Но вы сказали, что она не подведет.
 - Вас – да. Но сейчас трудно предсказать, как поведет она себя, сработав, и как будем чувствовать себя мы во время ее работы.
 - Мы – это кто?
 - Доктор Аверов: это и его право, и обязанность. И те, кто поведет корабль. Экипаж.
- Медленный голос снова возник:
- Не менее шести человек.
- Долго молчали. Потом первый голос произнес:
- Мы, вернее, наши предшественники, прекратили звездные экспедиции много лет назад именно потому, что люди подвергались риску. Общество нашей планеты не может допустить риска для людей. И не даст согласия на такую экспедицию. Не даст даже добровольцам. Нам не позволят даже пригласить добровольцев. Мы живем не во времена дикости. Жизнь священна.
- Ко мне и Аверову, – сказал Шувалов, – это отношения не имеет. Риск экспериментатора остается и сегодня, хотя мы всегда сводим его к минимуму. Что же касается остальных... что же, гибнуть всей планете? Общество предпочитает самоубийство?
- Первый голос ответил:
- Общество не знает о предстоящем взрыве Сверхновой. И я не думаю, что должно знать. Оно узнает об этом лишь в случае, если экспедиция закончится неудачей.
- Чтобы закончиться, – сказал Шувалов, – она должна начаться. А для этого необходим экипаж, которого нам не хотят давать.
- Хорошо, – после паузы проговорил человек, еще не принимавший участия в разговоре. – Мы дадим экипаж. Такой, против которого наше общество не сможет возразить ни слова. Потому что не будет состоять из людей, которых сегодня просто не существует. Служба Времени возьмет их из прошлого.
- А что, – спросил Шувалов не без ехидства, – по отношению к людям прошлого гуманные соображения недействительны?
- Действительны в той же мере, как ко всем нам. Но мы подберем людей, которые удовлетворят нас, но чей путь там уже завершается. Те люди не проиграют ничего. Но могут выиграть. Я думаю, что это гуманно.
- Я думаю, – сказал первый голос, – что это наиболее приемлемый путь. Итак: для нейтрализации звезды, которой вскоре предстоит стать Сверхновой и тем самым поставить под угрозу самое существование жизни на Земле и планетах Солнечной системы, снаряжается экспедиция «Зонд». Задача: при помощи установки Шувалова – Аверова нейтрализовать звезду. Участники: начальник экспедиции – Шувалов, научный сотрудник – Аверов. Экипаж из шести человек обеспечивает Служба Времени. Подготовка отобранного экипажа будет происходить в Центре Космических проблем. Ориентировочное время старта – через год. Вся информация, связанная с экспедицией, объявляется закрытой. Для всех, кроме допущенных, работа интерпретируется как подготовка к запуску очередного автоматического сопостранственного галактического зонда, выполняющего научные задачи. Благодарю вас.

Глава третья

День выдался спокойный, и можно было погулять. Я отворил дверь и вышел в сад. Снова были сумерки, сосны крепко пахли, песок едва слышно похрустывал под ногами, поскрипывали под ветром коричневые стволы. Соседняя дача темнела в полусотне метров, одно окошко в ней светилось, и хотелось думать, что сейчас на пороге покажется сосед, и можно будет нетопливо потолковать с ним о разных пустяках. Слева была чернота; вообще-то там тоже находилась дача, но теперь ее не было; я к этому уже привык и просто не смотрел в ту сторону – тогда можно было думать, что дача стоит там, как раньше.

Я медленно шел по дорожке, мимо грядки с клубникой, и мне все казалось, что вот-вот кто-то выйдет из-за дома. Раньше я ожидал, что покажется она. Но теперь – чем дальше, тем больше – ловил себя на том, что жду не ее, а сына, чумазого, запыхавшегося, живущего в своем, насчитывающем десять лет от роду мире и поглощенного своими делами и проблемами. Я ждал, а он все не выходил, и мне, как обычно, стало тоскливо. Но конструкторы корабля не предусмотрели ни детей, ни женщин, а вот иллюзия сада была полной: наверное, они хотели облегчить нашу жизнь, когда записали те картины, что наиболее четко запечатлелись в нашей памяти, и дали возможность воспроизводить их по собственному желанию. Не знаю, как это получалось; апартаменты мои, хотя и были больше прочих на корабле, все же измерялись квадратными метрами и уж никак не сотнями; и тем не менее, отворив дверцу, я выходил в свой сад (его, конечно, давно уже нет, не знаю, что там сейчас, и не хочу знать) и бродил по дорожкам, и все это было настоящее, без обмана. Потом я входил в дверь своего дома – и оказывался в каюте, которая была уже самой настоящей реальностью, как и все приборы, что смотрели на меня со стен и стендов, как броня бортов и пустота за ними.

Сказанное звучит, наверное, довольно загадочно, но если разобраться, то окажется, что все очень просто. В эти времена (мысленно, для себя, я называю их временами моей второй жизни, потому что никак не удается отделаться от мысли, что я – какой-то первый я, не совсем я, но все же я – что неопределенная эта личность все же утонула сколько-то лет назад, сколько – не знаю, потому что с тех пор летосчисление менялось самое малое три раза, и, чтобы разобраться во всех этих календарях, надо было быть крупным специалистом) – итак, в эти времена серьезные причины вынудили Землю снова послать людей к звездам. Давным-давно люди уже летали к ним и не возвращались, и не могли вернуться, и потому полеты были прекращены. Теперь люди могли уже и слетать, и возвратиться, но это все еще оставалось делом рискованным, а нынешнее человечество не хотело рисковать ни одной жизнью – так, во всяком случае, я это понимаю и мои ребята тоже. Современные люди любили друг друга, каждый каждого, их любовь была не абстрактной, а очень, очень конкретной, физически ощутимой, и если кому-то было нехорошо, то так же нехорошо становилось и тем, кто был к нему ближе остальных, а потом тем, кто был близок этим близким, – а в конечном итоге близким было все человечество. Это был какой-то сверхсложный организм, их человечество, единый организм (в наше время мы были уже многоклеточным организмом, но единым еще не были), и если что-то где-то болело, то плохо чувствовал себя весь организм, а на это люди не были согласны. И когда понадобилось срочно лететь, им не оставалось ничего другого, как прибегнуть к нашей помощи – к помощи людей, которые в этот их единый организм не входили и войти не могли, потому что принадлежали совсем другим временам.

И вот они, шаря по столетиям, от Ромула до наших дней (а точнее – начав задолго до Ромула), за несколько месяцев вытащили к себе более двух десятков человек, из которых в конце концов и был сформирован экипаж из шести персон. От каждого участника полета требовалась высочайшая степень – не физического здоровья, не спортивной подготовки, потому что корабль их, с моей точки зрения, напоминал скорее всего летающий санаторий для боль-

шого начальства, – требовалась высочайшая степень моральной пластичности, умения притираться друг к другу, чтобы весь экипаж работал, как единый организм. По их шкале высшая степень пластичности стоила тысячу баллов; такого парня можно было бы пустить в яму с саблезубыми тиграми, и через пять минут они лизали бы ему пятки своими шершавыми языками. Но те, кто решал судьбы экспедиции, постановили, что в экипаже надо было иметь индекс пластичности не менее тысячи двухсот! Такие ребята не бегают толпами по улицам, и им пришлось просеять сквозь их сито чуть ли не всю историю человечества и набрать эти самые два десятка. Потом некоторые не подошли из-за того, что при всей их пластичности оказались совершенно невосприимчивыми к технике – а речь как-никак шла о сложнейшем корабле, – или же были не в состоянии усвоить даже те азики современной науки, без которых было бы невозможно понять, что же им предстоит делать; бесспорно, эпоха не всегда служит точным мериллом умственного развития – даже в мои времена за одного Леонардо можно было отдать целый курс инженерного факультета и в придачу курс Академии художеств, и мы не остались бы внакладе, – но все же не всем и не все оказалось по силам. Так что осталось нас столько, сколько и требовалось. Остальным предстояло коротать свои дни в заведении, представлявшем собою санаторий для здоровых мужиков во цвете лет.

Из прошлого нас всех вытаскивали примерно одним и тем же способом: когда становилось ясно, что нужный человек вот-вот (как говорили в мое время в тех местах, где я жил) положит ложку, – его в последний миг выхватывали из того времени, а на его место подкладывали искусно сотворенного биоробота, так что никто и не замечал подмены. Большинство наших ребят было выдернуто во время войн, когда удивлялись не тому, что человек умер, а тому, что он остался жив. Благо в войнах в те эпохи – включая мою – недостатка не было.

Так что собралась веселая компанийка. По рождению нас отделяли друг от друга столетия, а то и тысячелетия, но здесь мы быстро нашли общий язык, потому что отныне у нас была одна общая судьба и очень мало общего – с судьбой остальных, живших в этом времени людей: пусть мы разобрались и в корабле, и в основах современной науки, но стать по-настоящему современными людьми так и не смогли.

Дело было не во внешности, хотя мы, конечно, отличаемся от них весьма и весьма; правда, друг на друга мы и вовсе не похожи, но на них – еще меньше. Они – те, кто нас вытащил, – выглядят, по нашему мнению, однообразно: рослые, прекрасного сложения, смуглые, с волосами от черных до каштановых – более светлые тона встречаются крайне редко – и главным образом темноглазые. Они очень красивы, сравнительно мало меняются к старости, не седеют. О женщинах и говорить нечего: любая из них в мое время завоевала бы все мыслимые титулы в области красоты. За время тренировок я успел познакомиться с несколькими; они, думаю, делали это из любопытства. Жаль только – с ними не о чем было говорить: слишком уж разное мы получили воспитание. В этом-то и крылась основная причина того, что в этой эпохе все мы могли быть только кем-то наподобие эмигрантов, невольных эмигрантов из других эпох.

Дело в том, что мы были выдернуты из своих времен уже в зрелом возрасте, когда формирование каждого из нас как личности успело закончиться. Вот Георгий: хороший штурман и прекрасный парень. Он – один из тех трехсот, что защищали Фермопилы с Леонидасом во главе, и я не хотел бы видеть его в числе своих врагов. В его время и в его стране хилых детишек кидали в море, чтобы они не портили расу; даже мои гуманистические концепции кажутся ему слюняйскими, не говоря уже о современных. Он редко улыбается; мне кажется, он так и не может простить себе, что остался в живых, когда все прочие спартиоты – и еще тысяча наемников – легли там костями. Он отлично понимает, что это от него не зависело, но все же приравнивает, видимо, себя к беглецам с поля боя, а таких в его время любили не больше, чем во всякое другое. Но, повторяю, штурман он что надо: ориентирование по звездам у античных греков в крови. Он редко проявляет свои чувства (чего нынешние люди не понимают) и очень

холодно относится к женщинам, потому что чувствует, что они в чем-то превосходят его, а его самолюбие – древние очень холили свое самолюбие – не позволяет ему примириться с этим.

Или Иеромонах. Мы с ним соотечественники и почти земляки, только он жил на три с половиной сотни лет раньше. Он тоже прекрасный мужик – все мы прекрасные мужики, – но кое-чего не понимает, а ко всему, чего не понимает, относится недоверчиво. Сомневаюсь, чтобы он разуверился в бытии Божиим – во всяком случае, до сих пор он в сложные минуты шепчет что-то – подозреваю, что молитвы – и осеняет себя крестным знамением. Он прекрасно знает устройство большого корабельного мозга, которым ведает, и с этим аппаратом у нас никогда не было ни малейшей заминки. Могу поручиться, что в глубине души Иеромонах одушевляет его, относит к категории духов – скорее добрых, однако, чем злых. Что-то вроде ангела-вычислителя, хотя таких в христианском вероучении не было. Он эмоционален, но после каждого открытого проявления чувств смущенно просит прощения у Бога. На женщин смотрит с интересом, когда думает, что никто этого не замечает. Рассердившись на кого-нибудь, он называет его еретиком и грозно сверкает очами. Он невысок, черняв и носит бороду. Сейчас это считается негигиеничным.

Они со спартиотом непохожи друг на друга, а еще меньше похож на каждого из них в отдельности и на обоих вместе наш первый пилот, которого мы называем Рыцарем.

Он уверяет, что и в самом деле был рыцарем когда-то – в каком-то из середины веков. Это его дело. Прошлое каждого человека является его собственностью, и он может эту собственность предоставлять другим, а может и держать при себе и не позволять никому к ней прикасаться. Пора биографий давно минула; какое значение имеет то, что человек делал раньше, если есть возможность безошибочно установить, чего стоит он сейчас, и обращаться с ним, исходя именно из этого? Был рыцарем, ну и что же? Зовут его Уве-Йорген, по фамилии Риттер фон Эрк. Он высок и поджар, обладает большим носом с горбинкой и широким диапазоном манер – от изысканных до казарменных (не знаю, впрочем, – кажется, у рыцарей казарм не было). Прекрасный пилот, чувствующий машину как никто. В разговорах сдержан, зато слушает с удовольствием. При этом он чуть усмехается, но не обидно, а доброжелательно. Взгляд его всегда спокоен, и понять что-либо по его глазам невозможно. Однажды, во время ходовых испытаний, мы могли крепко погореть; Рыцарь был за пультом, и ему удалось вытащить нас в самый последний момент (Иеромонах за пультом вычислителя уже бормотал что-то вроде «Ныне отпускаеши...»). Мы все, надо признаться, основательно вспотели. Только Уве-Йорген был спокоен, словно решал задачу на имитаторе, а не в реальном пространстве, где все мы могли в два счета превратиться в хилую струйку гамма-квантов. Когда это кончилось, он оглянулся и, честное слово, посмотрел на нас с юмором – именно с юмором, но не сказал ни слова.

Что еще о нем? Однажды я зашел по делу в его каюту как раз в тот миг, когда он выходил из своего сада памяти (я уже рассказывал, что это такое). Он резко захлопнул дверцу, и я толком ничего не успел увидеть; там было что-то вроде гигантской чаши, до отказа заполненной людьми, иступленно оравшими что-то. Помню, я спросил его тогда (совершив бестактность), к какой эпохе относится это представление. Он серьезно ответил: «К эпохе рыцарей». И, чуть помедлив, добавил: «Всякий солдат в определенном смысле рыцарь, не так ли?» Я подумал и сказал, что, пожалуй, да. Я и сам был солдатом в свое время.

Уве-Йорген не дурак поест и понимает в еде толк; к женщинам относится с некоторым презрением, умело его маскируя. Аскетом его не назовешь; добровольный аскетизм не свойствен солдатам.

И совсем другое дело – Питек. Это – производное не от имени Питер, а от слова питекантроп. Он на нас не обижается за прозвище, поскольку наука о происхождении человека осталась абсолютно неизвестной ему. Нас ведь обучали только необходимому, опасаясь перегрузить наши доисторические мозги, так что многие вершины современной культуры даже не появились на нашем горизонте. На самом деле Питек, конечно, не имеет никакого отношения

к питекантропам – вернее, такое же, как любой из нас, он нормальный гомо сапиенс, и даже более сапиенс, чем многие из моих знакомых по былым временам. Но прибыл он из какой-то вовсе уж невообразимой древности – для него, думается, Египет фараонов был далеким будущим, а рабовладельческий строй – светлой мечтой, в которую никто не верил. По-моему, специалисты «частого гребня» и сами не знают, из какого именно времени его выдернули, а сам он говорит лишь что-то о годе синей воды – более точной хронологии из него не выжать. Он любит поговорить и, прожив день, старается обязательно рассказать кому-нибудь из нас содержание этого дня – хотя мы все время были тут рядом и знаем то же, что и он; правда, память у него великолепная, он никогда ничего не забывает, ни одной мелочи. Этим, да еще прекрасным, прямо-таки собачьим обонянием он выгодно отличается от нас.

Питек называл имя своего племени – но, насколько я помню, такое в истории не отмечено, как-то проскользнуло стороной; называл он и свое имя, но никто из нас не мог воспроизвести ни единого звука; по-моему, для этого надо иметь как минимум три языка, каждый в два раза длиннее, чем наши, и попеременно завязывать эти языки узлом. У Питека, правда, язык один, и это великая загадка природы – как он им обходится. Единственное, что я знаю наверняка: там, где он жил, было тепло. Поэтому при малейшей возможности Питек старается пощеголять в своем натуральном виде; мускулатура у него и вправду завидная и ни грамма жира. Нашим воспитателям не без труда удалось убедить Питека надевать на себя хоть самую малость. Он подчинился, хотя они его и не убедили. Он коренаст, ходит бесшумно, великолепно прыгает, не ест хлеба, а мясо, даже синтетическое, может поглощать в громадных количествах, предпочитая обходиться без вилки и ножа.

Он немного ленив, потому что ни на миг не задумывается о будущем, не заботится о нем и ничего не делает заранее, а только тогда, когда без этого обойтись уже нельзя. Зато он обладает великолепной реакцией и мог бы быть даже не вторым, а первым пилотом, будь у него чуть больше развито чувство самосохранения – а также и сохранения всех нас; но смелость его, к сожалению, переходит всякие границы. Я думаю, впрочем, что это относится к его индивидуальным особенностям, хотя, может быть, все его соплеменники были такими – и потому не уцелели. Чувство племени, кстати, – или, по нашей терминологии, чувство коллектива – у него развито больше, чем у любого из нас. Питек может рисковать машиной вместе со всем ее населением, но ради любого из нас он подставил бы горло под нож, если бы возникла такая необходимость, – и с еще большим удовольствием полоснул бы по горлу противника.

Он часто, хотя несколько однообразно, рассказывает о войнах между племенами. Я как-то в шутку поинтересовался, не съедали ли они побежденных в тех междоусобицах. Питек не ответил. Лишь улыбнулся и провел кончиком языка по своим полным губам.

Что еще о нем? В обращении с женщинами он элементарно прост, и, как ни странно, им – современным и высокоинтеллектуальным – это нравится. Впрочем, понять женщин в эту эпоху, как мне кажется, ничуть не легче – или не труднее, может быть, – чем в наши, далеко не столь упорядоченные времена.

И, наконец, последний из нас – Гибкая Рука. Так он сам перевел свое имя, как только мы, после первого же часового сеанса обучения, вдруг убедились, что все объясняемся на одном языке – и язык этот не является родным ни для одного из нас, но все же мы им владеем, как будто родились, уже умея на нем говорить. Рука из индейцев; жил где-то у Великих озер, в местах, по которым в мое время проходила граница между Канадой и Соединенными Штатами. Правда, говорить о границе с Гибкой Рукой бесполезно: в его время ни Канады, ни Соединенных Штатов не существовало, и о белых людях там вообще не слыхивали. Имя свое Рука заслужил честно: он из тех людей, кого называют умельцами, у него прирожденное чувство конструкции, взаимодействия деталей. Попав в современность, он в краткий срок сделался выдающимся, даже по высшим меркам, инженером и в этом качестве отправился в полет.

Как ни странно, он в основном соответствует литературному стандарту индейца: невозмутим, говорит лишь тогда, когда к нему обращаются или когда необходимо что-то сказать в связи с его установками. Никогда не меняется в лице, и Рыцарь, мне кажется, очень завидует этому его качеству. В отличие от Питека, Гибкая Рука не любит говорить о прошлом, о своем времени и своем народе. Мы, прочие, иногда грешим этим. Уве-Йорген порой, забывшись, громко произносит: «Мы, немцы...» – и в глазах его загорается огонек; правда, он тут же спохватывается и смущенно улыбается. Да я и сам иногда начинаю: «А вот у нас...» – и тоже умолкаю, потому что мы – это теперь либо мы шестеро, и не более того, либо все нынешнее человечество, к которому мы то ли не смогли, то ли по-настоящему не захотели принороваться. Наша научная группа – два высоких, смуглых, красивых и набитых неимоверным количеством знаний человека – относится к этим нынешним. Мы прекрасно взаимодействуем друг с другом, но у них – свое прошлое и настоящее, а у нас – свое, хотя настоящее и протекает в одном и том же корабле. А будущее наше, вероятно, тоже имеет мало общего с их будущим. Если все мы уцелеем, конечно; о том, что путешествие наше – не просто прогулка по тропе науки, нас честно предупредили, едва мы поняли, куда и зачем мы попали.

Но если уцелеем, общего будущего у нас с ними все-таки не получится. Для них корабль – инструмент; для нас – мир. Мир в большей степени, чем затерявшаяся далеко в пространстве планета Земля. Там мы оказались гостями – и остались бы ими до конца дней. Возврата в свои времена для нас не было, об этом нас тоже предупредили: там все мы умерли. Что же нас ожидало? Вернее всего, другая экспедиция: ведь, если эта пройдет благополучно, у нас будет такой опыт, каким на Земле не обладает никто.

Вот о чем размышлял я, прогуливаясь в Саду своей памяти. Был спокойный участок полета, мы благополучно вышли из соппространства и держали курс на ту самую звезду, которая нам была нужна – а вернее, наоборот, ничуть не была нужна, лучше бы ее и не существовало, – но уж так получилось. Наши ученые дали звезде красивое имя Даль – не потому, что она была далеко, просто в ту пору названия давали по буквам арабского алфавита, а одна из них так и называется: даль... Пилоты несли вахту, а у меня – я был как-никак капитаном этого корабля, первым после Бога («Вот!» – торжествующе сказал Иеромонах и наставительно поднял палец, когда я впервые поведал ему эту древнюю формулу) – оставалось еще малость времени для таких прогулок, командовать переходом на околозвездную орбиту было еще рано, тормозиться мы начнем только через двое суток. И я гулял, посвистывал ветерок, и скрипели сосны. Потом в этот приятный шумок вошли новые звуки.

Обычно вызываю я, а не меня; значит, дело было важное. Я в два счета оказался у двери дачи, вошел, затворил ее, пожмурился от яркого света, всегда горевшего в моей каюте, и оттуда отозвался:

– Капитан Ульдемир.

Так меня тут звали; да это и было почти мое имя, только слегка измененное.

– Капитан Ульдемир, начальник экспедиции просит вас подняться в научный блок.

По голосу я узнал Аверова.

– С удовольствием, – ответил я с положенной вежливостью.

Что бы такое там у них приключилось?

Я надел тужурку, учинил себе осмотр при помощи объемного зеркала – капитан не может быть небрежным в одежде, – вышел, поднялся на четыре палубы и зашагал по коридору. Подошел к их центру и отворил дверь.

Глава четвертая

– Садитесь, пожалуйста, капитан, – проговорил Шувалов, как и всегда, с такой интонацией, словно извинялся за беспокойство. Он шагнул из угла в угол обширного салона; толстый ковер скрадывал звуки шагов. Аверов сидел в глубоком кресле – неподвижно, но пальцы рук все время двигались, словно плели нить из воздуха. Капитан Ульдемир сел в другое такое же кресло. Казалось, ему было безразлично, что он здесь услышит и услышит ли вообще. Шувалов покосился на него. Остановился.

– Видите ли, капитан...

И снова зашагал, так и не завершив фразы. Аверов дернул плечом. Капитан остался невозмутимым. В общении с людьми этой эпохи он предпочитал не проявлять инициативы. На этот раз Шувалов остановился в самом углу. Повернулся к Ульдемиру.

– Вы помните, капитан, модель звезды, мы вам показывали ее на Земле.

Капитан кивнул.

– То была, как вы и сами понимаете, всего лишь компьютерная модель, мы ведь не в силах увеличить изображение реальной звезды до такой степени. Естественно, все наши действия проводились над этой моделью, и результаты не могли быть абсолютно точными.

Ульдемир кивнул снова.

– Сейчас, наблюдая уже реальную звезду, мы оказались вынужденными внести в программу действий некоторые коррективы.

Он помолчал, словно еще раз мысленно проверяя то, что хотел сообщить.

– Вы ведь помните, на какое расстояние нам надо подойти, чтобы иметь полную уверенность в успешности воздействия?

– Порядка двух миллионов...

– Совершенно верно. То есть вплотную. И там, выйдя на орбиту, ударить. Так вот, звезда ведет себя не совсем по теории. И нельзя гарантировать, что в самой первой стадии процесса не произойдет нежелательных явлений... типа выброса вещества, скажем – таких выбросов, которые смогут помешать нам отойти на безопасное расстояние. Вы понимаете?

– На языке доступных мне понятий, – вежливо ответил Ульдемир, – это значит, что мы можем сгореть вместе с кораблем.

– Да, это то самое, что я хотел сказать.

– Но задачу мы выполним?

– В этом мы уверены. Не так ли, коллега?

– Гм, – сказал Аверов. – Мы ее погасим. Потому что остальные стадии процесса пойдут так, как мы и предполагали. Вот только самое начало... Но там, на Земле, мы не могли этого предположить.

– Мне все ясно, – сказал капитан Ульдемир.

– Мы немедленно прекратили бы выполнять задачу, если бы от этого не зависела жизнь миллиардов людей в Солнечной системе. Вы ведь понимаете...

– Этого даже не нужно говорить, – сказал Ульдемир.

– Мы просим вас собрать экипаж. Мы сообщим всем людям то же самое, что только что сказали вам.

Ульдемир пожал плечами.

– Вы думаете, экипаж взбунтуется, узнав, что риск оказался больше, чем предполагалось?

– А вы не боитесь этого? – спросил Аверов резко.

Капитан повернул к нему голову и ответил:

– Нет.

– Дело не в этом, – сказал Шувалов с оттенком досады в голосе. – Поймите, капитан. Мы, я и Аверов, – люди той Земли, того человечества, которому грозит гибель. Так что для нас здесь проблем не возникает. Но вы шестеро... Ваше человечество в любом случае давно умерло. И вы вправе не жертвовать своей жизнью ради... чужих.

– Не знал, – произнес Ульдемир, – что вы произошли от марсиан – или кого еще там... Аверов нервно рассмеялся.

– Отцы и дети... – пробормотал он.

– И все же, – сказал Шувалов. – Мы прекрасно понимаем, что если для нас Земля – милый дом, то для вас это – ну, не совсем так. Конечно, прожили вы у нас лет десять, двадцать... Но сейчас – разве я не прав?

– Правы.

– Ваш дом – корабль. Верно?

– Правы и тут.

– В нем можно жить долго, долго... десятки лет. И вы вправе захотеть этого. Потому что если та степень риска была приемлемой, то эта – чрезмерна.

– Вы упускаете из виду одно, – сказал Ульдемир. – Все мы – мертвые люди в отличие от вас. Но если хотите, я соберу экипаж.

* * *

Они входили в научный салон странно: каждый по-своему, но было и что-то общее, неопределенное – входили словно в чуждый мир. Усевшись за свой стол, Шувалов смотрел, как они возникали тут в раз и навсегда определенном порядке: видимо, была у членов экипажа какая-то своя, всеми признанная иерархия, хотя нельзя было понять, по какому именно признаку они оценивали самих себя и друг друга.

Первым вошел Иеромонах, остановился в двух шагах от двери, привычно повел глазами в правый, дальний от себя угол салона – там ничего не было, – поклонился, сел в конце стола, сложил руки на животе и замер. За ним вступил Питек – быстро и бесшумно, мгновенно окинул салон взглядом – можно было поручиться, что ни одна мелочь не укрылась от взгляда и запечатлелась в памяти, – шагнул вперед (казалось, ворс ковра даже не проминался под его шагами) и сел ярдом с Иеромонахом. Затем появился Рука; момента, когда он вошел, Шувалов не заметил: вдруг возник, сказал, не кланяясь: «Вот я», упруго пошел к столу и сел напротив Никодима, Иеромонаха. Грек пересек салон, не останавливаясь у двери, лишь поднял приветственно руку, серьезный и сосредоточенный, сел, обвел взглядом всех и опустил глаза. И наконец Уве-Йорген: остановился у двери, резко нагнул голову, здороваясь, и шелкнул каблуками. Улыбнулся, как показалось Шувалову, чуть вызывающе, но возможно, на самом деле это было и не так, – и сел, отодвинув кресло от стола, закинул ногу на ногу, поднял голову и стал глядеть в потолок. Капитан Ульдемир кивнул Шувалову: можно было начинать.

* * *

– Я попросил бы вот о чем, друзья мои: пусть каждый не только сообщит свое решение, но и по возможности мотивирует его.

– Никодим, – сказал капитан. – Прошу.

Иеромонах усмехнулся.

– На все есть воля, – сказал он.

Наступила пауза. Потом Шувалов сказал:

– Ну, пожалуйста, мы ждем.

– Я все сказал, – ответил Иеромонах.

– Ах да, понял... – проговорил Шувалов, смутившись.
– Второй пилот! – вызвал Ульдемир.
– Смелый рискует сразу, – сказал Питек, – трус уклоняется. Трус гибнет первым. У меня все.
– Инженер?
Гибкая Рука встал.
– Не надо думать о себе. Надо – о племени. – Он смотрел на Шувалова. – Это твоё племя. Думай. Мы выполним.
– Штурман, твоё слово.
– Мы стоим там, – медленно молвил спартиот, – откуда нельзя отступать. Иначе люди будут смеяться, вспоминая нас. Даже если их не останется – будут смеяться.
– Кто же? – не понял Аверов.
– Однажды я уже погиб, – сказал грек. – И я тут.
– Уве-Йорген?
– Я рыцарь, – ответил тот. – У меня может быть только один ответ, профессор. Но мне хотелось бы слышать мнение нашего капитана.
– В молодости, – сказал Ульдемир, не обидевшись за некоторое нарушение этикета, – я прочитал у одного писателя хорошие слова: что бы ни случилось, всегда держите в лоб урагану.
Уве-Йорген удовлетворенно кивнул.
Несколько секунд продолжалось молчание. Потом Шувалов поднял голову.
– Капитан, в таком случае прикажите начать монтаж установки. Сейчас же, а не тогда, когда предполагалось.
Гибкая Рука резко повернул голову.
– Ещё до торможения? Опасно, профессор! При перегрузках...
Шувалов покачал головой.
– Понял! – воскликнул Уве-Йорген. – Перегрузок не будет, не так ли? Атакуем с ходу?
– Так будет лучше, – сказал Шувалов. – Если мы сохраним теперешнюю скорость, выбросы могут и не зацепить нас. Если только вы обеспечите точность наведения при движении по касательной.
– Чему-то ведь мы все же научились, – сказал Питек.
– Разговоры! – сказал капитан Ульдемир. – Приступить к монтажу! Хвалиться будем потом.

* * *

Ощущение опасности, как ни странно, придавало людям бодрости. И в первую очередь – экипажу: опасность – это было что-то из прошлого, из молодости, из той жизни, которую они (каждый про себя) считали единственно настоящей. Для ученых чувство непрерывной угрозы явилось чем-то совершенно новым: переживать такое им не приходилось. В первые дни непривычное ощущение их тяготило; потом, неожиданно для самих себя, они нашли в нем какой-то вкус. Им стало казаться, что новая жизнь, жизнь в опасности, отличалась от прежней, спокойной, как морская вода от водопроводной: у нее был резкий вкус и тонкий, бодрящий запах, заставлявший дышать глубоко и ощущать каждый вдох как значительное и радостное событие.

Вряд ли ученые признавались даже самим себе в том, что такое отношение к жизни возникло у них под влиянием шестерых человек из других эпох – людей, относившихся к жизни именно так.

Работали быстро, даже с каким-то ожесточением. На звезду Даль поглядывали теперь с опаской. Красивое светило оказалось коварным. Хотелось поскорее сделать все и оказаться подальше от него – если удастся.

Но с тем большим усердием велось наблюдение за светилом.

* * *

– Ну как она там сегодня, Питек?
– Нормально, Уль. Звезда как звезда. Пахнет медом. Ты когда-нибудь ел мед?
– Не меньше твоего. Но при чем тут звезда?
– Желтая, как мед. Хочется зачерпнуть. И еще что-то было, что мне напомнило. Погоди, дай подумать... Да! Пчела!

– С тобой не соскучишься. Еще и пчела?
– Она ползла. Понимаешь: мед, и по нему ползет пчела. Медленно-медленно...
– Прямо идиллия. А цветочков там не было по соседству?
– Извини. Цветов не было. Только пчела.
– Наверное, пятно, – сказал капитан Ульдемир. – На звездах, как тебе известно, бывают пятна.

– Мы это давно знали. У нас были люди, что глядели на солнце, не щуря глаз.

– Дай-ка, я тоже взгляну – через фильтры, конечно...

Ульдемир смотрел на звезду Даль. Медового цвета, приглушенная светофильтром звезда цвела одинокой громадной кувшинкой на черной воде, не имеющей берегов. Пятен на звезде не было.

– Наверное, ушло на ту сторону. Большое было пятно?

– Нет, не очень. Я думаю, среднее.

Ульдемир помолчал.

– Ладно, закончим работу – посмотрим снимки. Наблюдай.

– Будь спокоен, Уль.

* * *

Катер вплыл в эллинг. Створки сошлись, зашипел воздух. Капитан Ульдемир снял перчатки и откинулся на спинку сиденья. Шувалов сказал:

– Благодарю вас, капитан. Работа сделана, я бы сказал, блестяще. Откровенно говоря, я даже не ожидал...

– По-моему, – сказал Ульдемир, – все в порядке.

– Должен сказать, – проговорил Аверов сзади, – что снаружи, из пространства, все это выглядит весьма внушительно. Я раньше как-то не представлял... Да, просто устрашающе. Будь я жителем звезды Даль, то испугался бы, честное слово.

– К счастью, на звездах не живут.

– А эмиттер смотрится просто красиво. Я получил просто-таки эстетическое наслаждение... Итак, можно считать, что у нас все готово? Коллега Аверов?

– Да.

– Капитан?

– Батареи заряжены полностью. Можно начинать отсчет.

– Сначала пусть все отдохнут как следует. Чтобы в решающий момент ни у кого не дрогнула рука. Начнем через четыре часа.

...Осталось четыре часа, и делать было совершенно нечего. Еще раз пройти по постам, постоять у механизмов, послушать, как журчат накопители, как едва слышно гудят батареи,

почувствовать, как пахнет нагретый металл... Что еще? Лечь? Уснуть не уснешь, и, чего доброго, еще нагрянут воспоминания... Сад памяти? Расслабит.

Капитан Ульдемир потер лоб. Что-то мешало ему. А значит, что-то не было в порядке... Капитан Ульдемир всю жизнь доверял интуиции, и сейчас не было причин сомневаться в ней.

Хорошо; мысленно пройдем еще раз по всем операциям в правильной последовательности. Вспомним каждую деталь, каждую мелочь. Вспомним, как вели себя люди: кто-то устал? Нервничает? Нет? Тогда что же мешает успокоиться?

Постой. А что же все-таки видел Питек? Пойти взять снимки... Хотя бы наскоро проглядеть сегодняшние снимки...

* * *

Четыре часа миновали.

– Сто четырнадцать... – вел отсчет компьютер. Минутная пауза. – Сто тринадцать...

Уве-Йорген, первый пилот, откинулся на спинку кресла, помахал в воздухе кистями рук, поиграл пальцами. Снова выпрямился.

Послышались шаги.

– Сам грядет, – сказал Иеромонах.

Но это были ученые. Они заняли места.

– Все в порядке? – спросил Шувалов.

– Сто... – ответил ему компьютер.

– Не вижу капитана, – проговорил Аверов, оглядевшись.

Уве-Йорген пожал плечами.

– Капитана не принято спрашивать. Придет, когда сочтет нужным.

– Но в конце концов... – начал было Шувалов. Рыцарь взглянул на него холодно. Чуть ли не с презрением.

– Действия капитана не обсуждаются. Как наводка, Георг?

– Отклонение на восемнадцать секунд.

– Провожу первую коррекцию, – проговорил Рыцарь. Он положил руки на пульт. – Внимание! Страховка! Импульс!

Легкая дрожь прошла по кораблю. Уве-Йорген прищурился, глаза льдисто блеснули.

– Точно, – сказал Георгиос.

– Вы знаете, я тревожусь, – сказал Шувалов. – Или это неуважение ко всем нам, или... Осталось меньше часа!

Послышались шаги.

– Грядет, – снова проговорил Никодим. – Ну, благословясь...

Вошел Ульдемир.

– Капитан, – проговорил Шувалов, – мы, знаете ли, просто заждались. Допускаю, что у вас могли быть причины...

Капитан сказал:

– Да.

– Хорошо, вы расскажете о них позже. А сейчас, будьте любезны, командуйте операцией.

Капитан сказал:

– Отставить операцию.

– То есть как это? – по-петушиному выкрикнул Аверов.

– Мы слишком много думали о звезде. И слишком мало – о планетах.

– Никаких планет нет!

– Есть, – сказал капитан. Он помахал в воздухе несколькими снимками. – Вот ее прохождение через диск. Слушай команду. Все на ноль. Отсчет прекратить. Готовиться к торможению.

* * *

Планета – это было плохо.

Это означало, что по букве закона на звезду Даль нельзя оказывать никакого воздействия, прежде чем не будет неоспоримо и достоверно установлено, что на планете нет ни малейших признаков жизни и никаких предпосылок для возникновения ее в обозримом будущем.

Однако этот случай и подходил под соответствующий параграф Звездного кодекса, и не подходил. Не подходил потому, что звезда, если на нее не воздействовать и не погасить ее, неизбежно должна была в ближайшем будущем взорваться – и тогда от жизни или от предпосылок для ее возникновения и подавно ничего не осталось бы. Как и от самой планеты.

Так или иначе, к планете надо было приблизиться и увидеть, что она собою представляет. Если на планете жизни нет, то все сложности сами собой отпадут. Если жизнь есть, но не дошла до разумной стадии, то... все равно придется действовать. А если на ней существует разум – можно будет попытаться предупредить его носителей о предстоящем похолодании – звезда ведь погаснет не мгновенно, остынет она не так уж и быстро, – а впоследствии даже пытаться провести какие-то спасательные работы – что, однако, сейчас представлялось весьма туманным.

Странное положение: найдя в не столь уж большом удалении от Земли планету, люди мечтали не о том, чтобы на ней оказалась хоть какая-то жизнь, но, напротив, единодушно хотели, чтобы никакой жизни не обнаружилось.

Такие мысли изредка бывают свойственны людям.

* * *

Плавное затормозившись, корабль лег на околозвездную орбиту, затем сошел с нее и через две недели приблизился к планете и уравновесился на расстоянии тысячи километров от ее поверхности.

Наблюдение за планетой велось непрерывно. Она располагалась слишком близко к светилу, период ее вращения вокруг оси совпадал с периодом обращения вокруг звезды Даль. Иными словами, планета была все время повернута к светилу одной и той же стороной, как Меркурий в Солнечной системе. Позже стало ясно, что она не обладала атмосферой. И когда корабль лег на околопланетную орбиту, все уже хорошо представляли, что там внизу.

Но все же для полной уверенности Ульдемир, Уве-Йорген и Аверов сели в большой катер и опустили на поверхность небесного тела.

Предварительно они несколько раз облетели планету на небольшой высоте. Уве-Йорген порой снижался до нескольких сотен и даже десятков метров. Первозданный хаос, заросли дикого камня мчались под катером с такой скоростью, что кружилась голова.

Аверов испуганно вцепился в подлокотники. Ульдемир молчал. Уве-Йорген, прищурясь, улыбался.

Наконец они сели, и Аверов облегченно вздохнул. Ульдемир в скафандре на несколько мгновений вышел из катера, чтобы взять образцы породы. Он не пробыл на поверхности и минуты, но вернулся, задыхаясь от жары, мокрый от пота, хотя скафандр предназначался для работы в горячей зоне силовых установок корабля.

Они взлетели и без происшествий возвратились на корабль.

Привезенные камни исследовали в лаборатории. Ни на них, ни в песке никаких признаков жизни не оказалось. Да и не могло оказаться. Исследование велось скорее для очистки совести. Чистая совесть – это важно.

Однако там, где есть одна планета, может оказаться и целая их система. И совесть требовала продолжать поиски теперь уже до конца. Обшарить околозвездное пространство. Обнюхать. Просеять через мелкое сито. Сделать все, что возможно.

* * *

Вахту несли так: сто двадцать минут – и четыре часа отдыха. Снова два часа – и четыре.

– Смена. Ну, не удалось ни с кем познакомиться?

Аверов от волнения пытался даже шутить.

– Пара камушков, – сказал Уве-Йорген. – А вообще – пустота.

– Ох, хоть бы... Хоть бы!

– Постучите по дереву... До сих пор все складывалось удачно, может повезти и на этот раз. Ну, взгляделись?

– Я готов.

– Чистого пространства!

Аверов остался один перед экранами. Черный экран, подключенный к большому оптическому рефлектору. Голубоватый – локатора. Маленький круглый – гравителескопа. Индикаторы радиотелескопа и рентгеновского. Взгляд медленно обходил их. Формальность, существует ведь автоматика, поиском планет занят компьютер. Но и человек – не последнее во вселенной... Надо смотреть внимательно. Пусто, пусто, пусто... Нули, нули... Еще несколько часов – и зона возможной жизни будет пройдена. Если тут ничего не окажется, можно считать, что отделались легким испугом, планеты за пределами этой полосы, если они там и существуют, будут не менее безжизненными, чем первая...

Быстро пролетают два часа. Сейчас кто-нибудь придет на смену.

– Смена! Ну как, ничего?

– Нет, штурман, пока все в порядке.

– Хорошо!

Пауза.

– Взгляделись?

– Да.

– Желаю ничего не увидеть.

* * *

– Капитан, прикажите снова заряжать батареи.

– Есть. Прикажу поставить под зарядку.

– Интересующая нас зона, друг мой, практически обследована. Никакого намека. Еще какой-нибудь час – и... Нет, мы не прекратим поисков, но тогда уже все шансы будут за то, что никакой жизни мы не обнаружим.

– Тогда, я полагаю, мы сойдем с орбиты, удалимся от звезды малыми ходами и издалека начнем атаку снова.

– Именно так мы и поступим, капитан.

* * *

Четыре часа тоже пролетают быстро.

Дежуря на этот раз, Аверов поймал себя на том, что ему хочется петь.

Трам-тарам-тарам-та-та... Трам-тарам... Тата?

Нет. Там нет ничего. Это просто самовнушение, оптическая иллюзия, а на самом деле ничего нет. Надо закрыть глаза. Посидеть так. Успокоиться. Теперь можно открыть. Что там, на экранах? Ничего, конечно?

Оптический показывает тело.

Локатор идет с запозданием. Сейчас он даст расстояние, и окажется, что впереди – просто очередной камушек.

Локатор дал расстояние. Миллионы километров.

Гравителескоп: какова масса тела?

– Планета.

Аверов почувствовал, как дрожат губы. Минуты две сидел, закрыв лицо руками. Потом вызвал центральный пост.

– Здесь обсерватория. Планета в пределах зоны обитания.

Ему ответили.

– Вот и компьютер дает те же данные...

* * *

Подлетели. Расстояние до поверхности было – две тысячи километров. Над экватором плыли облака. Локаторы показывали: кряж. Равнина. Обширная. Снова хребет. Тут, видимо, море...

– Итак, друзья мои: снижайтесь осторожно. Пробы атмосферы, пород... Оглянитесь и попытайтесь вернуться побыстрее.

– Хорошо, – сказал Ульдемир. Он повернулся к Аверову: – Я полагаю, облака – это еще ничего не значит.

– Да, – хмуро согласился ученый. – Но температура на поверхности такова, что можно ожидать...

– Ладно, там видно будет. Рыцарь, прошу в катер.

Они быстро пробили облачный слой. Снизились. Голубые огоньки стекали с бортов.

Внизу шумели леса.

То есть шума не было слышно. Но, увидев такой лес, каждый сразу поймет, что он шумит. Не может не шуметь.

Уве-Йорген, первый пилот экспедиции, шел на бреющем. Свист двигателей глухнул в вершинах деревьев. Вершины покачивались: дул ветер.

– Здесь нам не сесть, – сказал Уве-Йорген.

– Сделаем еще виток-другой.

Рыцарь набрал высоту.

– Возьми градусов на тридцать вправо.

Уве-Йорген переложил рули.

Через сорок минут началась степь.

– Вот здесь можно сесть.

– Погоди, – сказал Ульдемир.

Аверов работал с камерой.

– Двигается, – пробормотал он.

– Стада, – сказал Ульдемир. – Сотни тысяч голов. На Земле когда-то тоже было так. Питек помнит. И Рука тоже.

– Сядем, капитан?

– Нет. Уве, обожди.

– Чего ты ищешь?

– Ты знаешь.

Они сделали еще один виток.

– Нет, – сказал Уве-Йорген. – Людей здесь нет. Будь они – не было бы стад.

Прошло еще полчаса.

– Внимание! Внизу. Что это, по-вашему?

Голос Рыцаря был странно приглушен.

Аверов вгляделся.

– Возможно, это природная формация? В конце концов и на Марсе когда-то видели каналы...

Уве-Йорген Риттер фон Экк смотрел перед собой, твердо сжав челюсти. Он резко бросил машину вниз.

– Это дорога, – пробормотал он. – Пусть никто не говорит мне, что это не дорога...

Машина мчалась впритирку к поверхности.

– Воткнемся, – сказал Ульдемир.

– Нет, – уверенно ответил Рыцарь. – Эх, Ульдемир... – И сам перебил себя: – Смотрите!

Вот они! Да вот же!

Это, несомненно, были люди – или очень похожие на них существа.

– Садимся?

– Не надо, Уве. Все ясно. Правь на корабль.

На обратном пути они молчали. Только перед самым кораблем Аверов пробормотал:

– Люди, настоящие люди... Что теперь делать?

Капитан и Уве-Йорген одновременно произнесли по несколько слов. Но один говорил по-русски, другой по-немецки, и Аверов так ничего и не понял, и не понял бы, даже если бы ему перевели это на современный земной язык, поскольку в современном языке подобных оборотов речи просто не существовало.

Глава пятая

Все, кроме вахтенного, снова собрались в салоне у ученых. На этот раз сидели не так чинно, и Шувалов вновь бродил по ковру из угла в угол, рассуждая громко:

– Что мы в силах предпринять? Мы не готовы к такого рода действиям. К высадке на планету с развитой – с разумной жизнью. Ничего не знаем... Какой окажется структура здешнего разума, его коммуникативность, степень развития? У нас вообще нет никакой аппаратуры для контакта. А контакт необходим, чтобы добиться конструктивных и очень важных результатов...

Уве-Йорген спросил, словно о незначительном:

– Да чего вы, собственно, от них хотите, профессор?

– То есть как?! На планете существует разумная жизнь. А из этого однозначно следует, что мы должны не только заботиться о предотвращении гибели нашего человечества, но и взять на себя заботы о спасении здешнего населения. Для защиты человечества мы собирались погасить звезду. Но здешних людей мы этим лишь погубим.

– Стоит излучению звезды уменьшиться на десять процентов, – подсказал Аверов, – и условия тут сделаются совершенно непригодными для жизни. Катаклизмы. Обледенение. Голод. И гибель жизни. Все это произойдет менее чем за год.

– Нельзя ли не столь поспешно? – спросил Иеромонах.

– Ни быстрее, ни медленнее, – тут же ответил Аверов. – Процесс саморегулирующийся, течение его от нас не зависит. Мы можем, так сказать, только нажать кнопку – или, напротив, не нажимать.

– Значит, они обречены, – снова заговорил Уве-Йорген. – Так нужно ли ломать голову в поисках несуществующего выхода? Будем спасать человечество – это наш долг.

– Я запрещаю говорить так! – крикнул Шувалов. – Помните: с момента, когда нам стало известно о существовании здесь жизни, мы, хотим мы того или нет, взяли на себя ответственность за ее спасение.

– Видимо, единственный выход – эвакуация, – сказал Аверов.

– Почему? – возразил Шувалов. – А если доставить с Земли и зажечь здесь небольшое, локальное солнце? Такой опыт есть...

Аверов покачал головой:

– Отпадает. Для управления таким солнцем с планеты нужна сложнейшая кибернетика, мощные стартовые установки, запасы топлива, множество специалистов – и прочее, и прочее. Да и надежность... Я за эвакуацию. Земля согласится предоставить им одну из планет Солнечной системы...

– Им хватит и небольшого участка, – сказал капитан. – Судя по тому, что мы видели сверху, обжита лишь малая часть планеты. Но дело в другом. Насколько это осуществимо технически? Сколько этих людей? Сколько кораблей понадобится? Сколько времени нужно на их постройку? Где взять столько экипажей? Ведь времени-то у нас как раз мало: звезда ждать не станет...

– Сейчас самое важное, – сказал Шувалов уже почти спокойно, – узнать, сколько их, и объяснить им положение вещей. Поэтому контакт заботит меня прежде всего. Потому что для того, чтобы нас поняли, нужно, чтобы нас предварительно выслушали. А это может оказаться самым трудным. Надо немедленно лететь к ним. Выбрать какое-нибудь небольшое поселение – в большом мы сразу же запутаемся. Найти местную власть и попросить, чтобы нас связали с их главными руководителями.

– А как же мы с ними станем объясняться? – подумал вслух капитан.

– Капитан, вы задаете какие-то наивные вопросы. Откуда я знаю как? Вот полетим с вами – и увидим.

– Со мной?

– Да, вы и я. Потому что пилоты, кажется, склонны подходить к решению проблемы куда проще, чем она заслуживает.

– В мои времена мораль была куда проще, – сказал Питек. – Но не думаю, что она намного хуже вашей. Просто не хочу спорить.

– Готовьтесь, капитан, – сказал Шувалов.

* * *

Овальное красное солнце подпрыгнуло над далеким горизонтом. Длинные тени упали на серо-зеленую высокую траву, вспыхнули неожиданно яркие огоньки цветов. Потянул ветерок; душистый запах жизни закружил головы. Шувалов вздохнул:

– Как на Земле... Пойдемте?

Они зашагали туда, где возвышались деревья, за которыми лежал городок. Катер со включенным маячком остался в высокой степной траве, скрытый от взглядов ее гибкими перистыми стеблями. Шли молча. Приблизившись, бессознательно замедлили шаг, потом и вовсе остановились. Городок казался вымершим.

– Еще спят? Вряд ли...

Они стояли на пригорке, откуда город был хорошо виден.

– Красиво, – сказал Ульдемир.

– И странно. Обратите внимание: ни одной прямой улицы. Очень своеобразная планировка. Это напоминает... Затрудняюсь назвать, но, во всяком случае... во всяком случае, ощущаешь руку художника.

– Да. Интересно.

– Это воодушевляет меня, капитан. Люди, обладающие развитым эстетическим чувством, не могут не понять нас. Хотя, может быть, приспособиться к их мышлению будет сложно – если они мыслят образно, а не логически... Жаль, что среди нас нет художника. Но почему никого не видно?

– Может быть, это и не город? – сказал Ульдемир.

– Что же, по-вашему? Некрополь?

– Нет, почему же... Просто мы, может быть, видим лишь верхний, декоративный, так сказать, ярус города, а жизнь течет внизу. В наших, вернее, в ваших городах на Земле...

– Это было бы приемлемо для иных уровней цивилизации, капитан. Люди лезут под землю, когда наверху становится тесно. – Шувалов вздохнул. – Или слишком опасно.

– Наверное, вы правы, – кивнул Ульдемир. – Что же тогда? Эпидемия? Война?

– Вы мыслите земными категориями. Причину мы узнаем, но жаль, что потеряно время: придется искать другой поселок. С людьми.

– Пройдем все же по улицам.

– Конечно, раз уж мы здесь... Но только осторожно. При первых же признаках опасности – немедленно назад. Интересно, сколько человек могло жить в таком городе?

Капитан прикинул.

– Пять тысяч, десять, а может быть – пятнадцать.

– Весьма неопределенно, весьма. Почему – пятнадцать?

– Мы не знаем их уровня жизни. На двух квадратных метрах могут спать двое или трое, но один человек может жить и на площади в десятки квадратных метров. Это же историческая категория.

– Жаль, что мы не историки. Да и много ли может помочь наша земная история в этих условиях? Все мы грешим стихийным антропоцентризмом... Но поторопимся. Чем скорее мы встретим кого-либо, тем быстрее разрешатся наши проблемы. Итак, план действий...

Они снова зашагали, раздвигая траву, поднимавшуюся выше пояса.

– План действий: встретив кого-либо, мы сразу же даем понять, что хотим видеть их руководство. Вождя, императора, президента – все равно. Вступив в контакт с руководством, просим пригласить представителей местной науки. Да-да, я понимаю... но тут важен не столько уровень знаний, сколько научный склад ума. Если он есть, мы поможем им понять всю важность проблемы. Возьмем данные о населении... Чему вы улыбаетесь, капитан?

– Вы уверены, что такие данные есть?

– Ну, на худой конец прикинем сами. Хотя число поселений-то им известно, я полагаю? Или семей: налоги, все прочее... Вы согласны с моим планом?

– Да, – сказал капитан. – Пока нет ничего лучшего.

– Само собой разумеется. А вот и дорога наконец!

Они вышли на дорогу; узкая полоса утопанной земли уходила к городу. Отчетливо выделялись колеи.

– Вот и первый неоспоримый признак уровня материальной культуры. Что вы скажете по этому поводу?

Капитан всмотрелся.

– Скорее всего просто телега с лошастью. Видите – следы копыт? Милая, старая лошадка.

– Какая прелесть, а? – восхитился Шувалов. – Я никогда... Впрочем, надо припомнить... Нет, никогда в жизни не видал телеги. Воистину, не знаешь, когда и с кем встретишься...

– Кстати, о встрече, – сказал Ульдемир. – Надо ли нам так спешить? Напомню вам одну простую вещь: у нас ведь нет оружия. Мы совершенно беззащитны. Вы хоть драться умеете?

– Разумеется, нет, глупости. Но разве нам грозит что-то?

– Не знаю. Не исключено.

– Помилуйте, капитан, мы ведь предполагаем наличие здесь мыслящих существ... Будем же исходить из предпосылок доброты разума.

– Хочу надеяться, что вы правы.

– Идемте же, капитан, идемте!

* * *

Они шли по улице – по широкой, поросшей травой полосе между двумя рядами двухэтажных домов. Тишина нарушалась криками птиц.

– Капитан, друг мой, ведь не может быть, чтобы они испугались нас и сбежали? Мы специально сели в отдалении, ночью...

– Право, не знаю. Интересно, из чего это построено.

– Ну, это мы узнаем. А что это за архитектура? Вы понимаете что-нибудь в архитектурных стилях?

– Гм, – сказал капитан. – У меня странное ощущение. Понимаете, все это очень похоже на... Боюсь сказать глупость.

– наших высказываний никто не записывает, друг мой, и полагаю, что мы уже наговорили массу глупостей. Одной больше или меньше – не имеет значения. Итак?

– Мне кажется, что я узнаю их: почти такие же дома строили в то время, когда я был... В мою эпоху, одним словом. Эти характерные очертания, большие окна...

– Вы хотите сказать, что жили в таких вот домиках?

– Большой частью летом. А вообще жили в городах, как и вы. И тем не менее я никак не могу согласиться с тем, что мы попали в эпоху, похожую на мою. Тогда здесь пахло бы бензином.

– Насколько я помню, архитектура определялась уровнем строительной инженерии, характером материала... Из чего вы строили?

– Из кирпича, из разных видов бетона...

– Что же, и это, по-вашему, построено из бетона?

– Подойдем и посмотрим. Хотя бы вот сюда. Честное слово, в свое время я повидал десятки таких домиков...

– Да, но как мы переберемся через... Зачем вообще это?

– Забор, – сказал Ульдемир. – Ограда. Чтобы к дому не подходил никто, кроме имевших право.

– Вы таким способом защищались от зверей?

– Господи, – сказал Ульдемир. Теперешние люди часто не понимали самых простых вещей. – Ладно, погодите, я сейчас перелезу.

– Я с вами, – сказал Шувалов. – Очень интересно, как это там устроено внутри.

– Нет, – сказал Ульдемир. – Мало ли какие сюрпризы могут там оказаться. Сперва я один.

– Разумно, – сказал Шувалов, подумав. – Странно, но вы начинаете заражать меня своей боязнью. Только учтите, что без вас мне на корабль не вернуться.

– Придет второй катер. Не бойтесь.

– Я не боюсь, мой здравый смысл и жизненный опыт протестуют против боязни.

Ульдемир уже перелез через невысокий, ниже человеческого роста, забор. Он обернулся:

– Опыт какой жизни вы имеете в виду?

– Беда с вами, – сказал Шувалов и махнул рукой. – Ну, идите. Но смотрите, будьте осторожнее.

* * *

Он прошел по саду. Утоптанная тропинка огибала дом – вход, наверное, находился с другой стороны. Большие окна были плотно занавешены изнутри. Ульдемир шел, ожидая, что вот-вот на него из-за угла бросится собака. Странное чувство охватило его: показалось вдруг, что не было ничего, и он на Земле осторожно подходит к чьему-то домику, и сейчас встретит человека, и как ни в чем не бывало заговорит с ним, не тратя никаких усилий для контакта – заговорит, как с добрым знакомым, и будет понят.

Он подошел вплотную к дому. Провел рукой по белой шероховатой поверхности стены. Кирпич? Его не было и в помине. Бетон? Нет, вряд ли. Ульдемир сунул руку в карман, достал стартовый ключ катера, попробовал ковырнуть стену. Это удалось без труда. Нет, какой уж тут бетон – вернее всего, глина. А глубже? Дерево. Ну что же, это уже дает представление об уровне эпохи. Хотя на Земле из дерева строили тысячелетиями. Что же, пойдем дальше...

Он обогнул дом. Здесь был дворик. Никаких сараев или гаражей, ничего, что указывало бы на характер хозяйства, экономики. Зато были качели. Такие, на каких он качался в детстве.

«Да, – подумал он. – Качели. И дерево. И мы в свое время строили такие дома. Окна наши. И крыша».

Что тут еще? Колодец. Значит, водопровода нет. Обычный колодец, вырытый в земле, с довольно примитивным воротом. Ульдемир подошел, заглянул. Глубоко внизу стояла вода. Лицо его отразилось на фоне голубого неба, черты лица были неразличимы. Вдруг захотелось пить. «Ты же не знаешь, что это за вода, – вяло сопротивлялся здравый смысл. – Пусть атмосфера оказалась пригодной, это еще ничего не значит...» Здравый смысл протестовал по обязанности, а руки тем временем уже вращали ворот, и кожаное ведро – никак иначе нельзя было

назвать этот кожаный сосуд – медленно опускалось на колючей веревке. К веревке был привязан камень, чтобы ведро зачерпнуло воду, а не плавало на поверхности. Ульдемир поднял ведро и отпил. Вкусная вода. Какой-то привкус есть, но хорошая, свежая, холодная вода...

Он поставил ведро наземь и повернулся к дому.

Вот и дверь. Все размеры – и двери, и самого дома – говорят о том, что здесь живут не просто существа, подобные нам, а люди. И в самом деле, ведро – уж такое человеческое изобретение... А качели! Для кого они, если не для людей?

Ладно, попытаемся войти в дом.

Он решительно подошел. Крыльцо – три ступеньки. Поднимемся. Дверь. Наверняка заперта.

Ульдемир нажал ручку. Дверь открылась.

За ней было темно. И Ульдемир шагнул во мрак.

* * *

Шувалов нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Любопытство одолевало его. Он взглянул на часы: прошло всего-навсего шесть минут. Капитан мог бы и поторопиться. Положительно невозможно было стоять и ничего не делать: время шло. Шувалов покосился на безмятежно светившее солнце и неожиданно погрозил ему пальцем. Тут же оглянулся: не видел ли его кто-нибудь?

Ему показалось, что кто-то – или что-то промелькнуло и скрылось за острым углом перекрестка. Что-то живое. Контакт... Капитана все не было. Тогда Шувалов, раздраженно махнув рукой, торопливо зашагал, почти побежал туда, где заметил движение. За углом никого не оказалось. Он растерянно огляделся. Пробежал немного вперед. Остановился. Повернул назад. Решившись, громко позвал:

– Покажитесь, пожалуйста, если вы здесь!

Молчаливые дома окружали его, нигде не было заметно ни малейшего движения, шелестела листва в садах, где росли деревья и цветы – красные, синие, лиловые. Цветы росли не как попало – они образовывали узоры, в которых был, видимо, какой-то смысл: слишком сложными были эти линии, чтобы ничего не обозначать.

«Показалось», – подумал он разочарованно. И повернулся, чтобы идти к домику, в котором скрылся Ульдемир.

За его спиной стояли четверо.

– Ага, – растерянно сказал Шувалов. – Вот и вы. Здравствуйте.

Глава шестая

Всякому, кто хочет прожить жизнь спокойно, без неожиданностей и тревожений, я советую не заходить в чужие дома, где занавешены окна и ничто не нарушает тишины. Пройдите мимо, не поддайтесь искушению – и вы избежите всего, что может нарушить ровный ход вашей жизни, и к старости у вас не останется таких воспоминаний, которые заставили бы сожалеть о чем-то.

Это – мудрость задним числом, остроумие на лестнице, как говорят французы. Но в тот раз я был в таком состоянии, что мне нужна была как раз какая-то неожиданность, моя личная неожиданность, так сказать, персональное приключение. Мне мало было той переделки, в какую попала вся экспедиция, потому что наше общее приключение не облегчало моего положения, не уменьшало той ответственности за людей и корабль, которая лежала на мне, капитане, и ощущалась даже во сне. Я никогда не уклонялся от ответственности, но теперь чувствовал, что нужна передышка, какая-то интермедия – то, что в мое время называлось разрядкой. И вот поэтому я согласился (хотя это было и не по правилам) сопровождать Шувалова на планету для установления контакта, хотя за контакт я не отвечал, а за корабль отвечал. И по той же причине я перемахнул через забор и напился холодной колодезной воды во дворе, а потом отворил дверь, оказавшуюся незапертой, и шагнул вперед, в темноту.

Я сделал несколько шагов, вытянув руки, чтобы не налететь на что-нибудь; ступал я осторожно, стараясь не нарушить тишины. Все же пол скрипнул под ногами, и я замер, но ничего не случилось. Я постоял немного, чтобы глаза привыкли к освещению – вернее, к его отсутствию, – и понял, что нахожусь в прихожей, достаточно просторной, почти лишенной мебели, только на стене висела вешалка, очень похожая на те, что были на Земле в мое время, и в углу стояла не то табуретка, не то скамеечка – я не разобрал и не стал уточнять. Прихожая была слегка вытянута, и, кроме той двери, в которую я вошел, там было еще две – одна справа, другая передо мной, с торца. Я провел ладонью по стене, пытаясь нащупать выключатель, и не обнаружил его; мне не сразу пришло в голову, что в доме может просто не быть электричества, потому что все тут было таким земным, что, казалось, я сейчас войду в комнату – и увижу непременно стол и диван, и телевизор в углу, и полку с книгами, и полдюжины стульев, и коврик на стене или шкуру, и акварель Суныня или еще чью-нибудь, а в углу будет торшер, а с потолка будет свисать светильник с пластиковыми колпаками, на две или три лампочки. Одним словом, мне показалось, что я сейчас отворю дверь – ту, что с торца, потому что если пойду вправо, то попаду на кухню, в ванную и так далее, – отворю дверь в комнату, и кто-то повернет голову, отрываясь на миг от телевизора, и скажет знакомым голосом: «Ты где пропадал так долго? Садись. Есть хочешь?»

Труднообъяснимое ощущение это было таким сильным, что мне вдруг стало смешно от того, что я крадусь тут на цыпочках, словно вернувшись домой после криминального недельного отсутствия. И я кашлянул, чтобы предупредить того, кто должен был находиться в комнате, чтобы не испугать его своим внезапным появлением. Потом я подошел к двери и отворил ее.

Отворил и вошел, и мне стало не по себе. Потому что то, что только что представил себе в прихожей, пока глаза привыкали к темноте, на самом деле могло существовать только в моем воображении, и я это отлично знал, и был внутренне готов к тому, что на самом деле увижу нечто совершенно другое. И тем больше было мое изумление, даже не изумление, может быть, но чувство, весьма похожее на страх, когда я пригляделся и увидел, что воображение мое на этот раз словно бы смотрело сквозь стену и видело то, что находилось в этом помещении.

Потому что здесь на самом деле был стол. И стулья. И что-то висело на стене. Телевизора, правда, не было, и никто не сидел перед ним. Но был диван. И кто-то лежал на диване и

спал, и, если прислушаться, можно было уловить едва заметное легкое, размеренное дыхание. Перед диваном лежал коврик, и то, что стояло на нем, до смешного напоминало наши земные домашние туфли без задников, а размер их был таков, что можно было без колебаний сказать – на диване спит женщина; впрочем, и дыхание говорило о том же.

Я постоял, глядя на нее, укрытую одноцветным одеяльцем, – в полумраке я не мог разобрать, какого оно было цвета. Я смотрел на нее ненастойчиво, чтобы она не ощутила во сне моего взгляда и не проснулась (не хотелось будить ее, хватало уже и того, что я вломился без спроса). Под влиянием какого-то необъяснимого порыва я вместо того, чтобы, удовлетворившись результатами разведки, тихо вернуться к Шувалову и вместе с ним пораскинуть мозгами над тем, что же делать дальше – вместо этого я подошел к окну, ступая смело, хотя и не очень шумно, раздвинул плотные занавеси – утро хлынуло в комнату – и, повернувшись к той, что спала на диване, сказал весело и ласково:

– Ну, сонюшка, пора вставать!

Я сказал это; я забыл, начисто забыл, что нахожусь на незнакомой планете незнакомой звездной системы, за много световых лет от Земли, где эти слова в подобной обстановке, может быть, и оказались бы уместными. Я забыл, что немногие вещи способны так встревожить человека, как неожиданно раздавшиеся рядом звуки чужого языка – даже при условии, что моя речь будет воспринята ею именно как язык, а не как, скажем, собачий лай; я забыл, я сказал это.

Женщина лежала лицом к стене; сейчас она потерлась щекой о подушку (представилось мне) и сонным голосом пробормотала:

– Сейчас, сейчас... еще пять минут.

– Ну... – начал было я и вдруг подавился собственными словами.

Она сказала: сейчас. И я услышал и понял это. А она, значит, за миг до того услышала и поняла меня!

Я не спал и не был пьян – успел забыть, как это бывает. И я был здоров, не бредил и не галлюцинировал.

Может быть, я попал в ловушку? Может быть, все эти дома – капканы для легковверных пришельцев из космоса, – устройства, которые в темной прихожей анализируют наши мысли, воспоминания, а в комнате показывают нам то, что мы хотели бы видеть и слышать, и тем самым усыпляют нашу бдительность, чтобы потом разделаться с нами, как это в свое время описывалось у Брэдбери и других?

Что еще можно было тут подумать?

Может быть, и можно было, но я просто не успел. Женщина глубоко вздохнула, повернулась ко мне и открыла глаза. Она увидела меня, и я увидел ее. Увидел и сказал:

– Нуш?

* * *

– Нуш! – сказал я. – Это ты?

Я мог бы и не спрашивать. Потому что совершенно ясно видел, что это была она. Если бы у нее была, допустим, сестра-близнец, я бы не спутал их, я уверен. Но здесь была она сама и никто другой.

Она находилась еще где-то во сне и медленно возвращалась оттуда. Глаза ее смотрели на меня, но сначала не видели. И вот увидели, я понял: она тихо вскрикнула и закрылась одеялом.

– Не бойся, – сказал я. – Это ведь я. Забыла? Просто я.

– Кто ты? – боязливо спросила она.

Голос был тоже ее. Нуш, хотя, конечно, кто может поручиться за то, что память через столько лет пронесит образы и звуки неискаженными? Во всяком случае, память не дала мне никаких оснований сказать, что это – не ее голос.

– Я – Уль...

– Кто ты? Откуда? – Голос ее окреп, она огляделась. – Зачем ты тут? За мной?

– Да, – сказал я. – Конечно, за тобой. Далеко же мне пришлось забраться, чтобы наконец снова найти тебя!

– Тебя послали они?

Я пожал плечами:

– Кто они, Нуш?

Она моргнула.

– Я не Нуш. Наверное, ты ищешь другую, не меня.

– Нет, – сказал я. – Других не было. А если и было что-то, не стоит вспоминать. И потом, разве я был виноват в том, что случилось? Но знаешь, давай поговорим об этом в другой раз.

Она смотрела на меня и, кажется, ничего не понимала. Она все еще полулежала, закрываясь одеялом.

– Одевайся, – сказал я. – Я отвернусь.

– Ты не мог бы выйти? – спросила она. – Я не убегу.

Я подумал.

– Нет, – ответил я потом. – А вдруг убежишь? Или опять выкинешь что-нибудь такое, как в тот раз? После таких вещей трудно остаться в живых. Очень трудно. Я не выйду. Просто отвернусь. Одевайся.

Я и вправду отвернулся и подошел к окну. Оно выходило в сторону улицы и там, по ту сторону забора, должен был стоять Шувалов. Однако его не было. Не дождался, подумал я. Ушел бродить по городу... Я подумал об этом равнодушно, потому что сейчас это не имело ровно никакого значения.

В эти минуты мне было все равно. Совершенно не играло роли, что мы находились близ звезды, которую вот-вот должно было разнести, как ядерный реактор, вышедший из-под контроля; пустяком было – что мой товарищ куда-то исчез, хорошо еще, если вернулся к катеру, а то взял и провалился в колодец или мало ли куда – все это не стоило больше ни копейки. Потому что рядом была она.

В мои годы уже не питаешь иллюзий ни относительно себя самого, ни насчет мужского пола вообще. Но если вам повезло и на роду вам написана такая любовь, что всех остальных женщин для вас просто не существует, а только она, она одна – то небо может рушиться, а солнце – гаснуть или взрываться, как ему больше нравится, но пока эта женщина рядом с вами, мир для вас не погибнет. Вот такое было у меня – и что мне сейчас оставалось, как не забыть сию же минуту обо всем, что не имело прямого отношения к ней?

– Я готова, – сказала она за моей спиной.

Я обернулся.

Нет, как бы ее ни звали, это все же была она. Наряд ее, правда, показался мне несколько странным – для моего времени он был, пожалуй, чересчур смелым, а для эпохи Шувалова старомодным, но это была она – и все тут.

– Ну здравствуй! – сказал я, шагнул к ней, обнял ее и поцеловал, как можно поцеловать девушку после разлуки в какие-то там тысячи лет.

Она не отвернулась, но губы ее были холодны и неподвижны.

И только тут я наконец пришел в себя.

* * *

– Сядь, – сказал я.

Что-то промелькнуло в ее глазах, она подошла к дивану и села.

Я сделал несколько шагов по комнате – туда и сюда. Она не следила за мной, отчужденно глядела куда-то в потолок. Я маршировал перед ней, как на параде, и пытался хоть что-то понять.

Это была Нуш. Ее рост, ее фигура, ее длинные, тяжелые рыжеватые волосы, ее карие глазищи, маленький рот с чуть припухлыми губками. Чуть обозначенные скулы, нос – все было настолько ее, что тут не могло возникнуть ни малейших сомнений.

Но ни малейших сомнений не могло возникнуть и в том, что это не была, не могла быть она.

Разве что сбываются легенды о вечной жизни, и рай на самом деле находится на расстоянии нескольких тысяч лет от нашего времени и всегда будет находиться на этой дистанции, постоянно убегая от нас?

Но мне сейчас было не до таких рассуждений.

Это не могла быть она. И во времени, и в пространстве мы с Нуш разошлись навсегда. И тут была другая система и другая планета, хотя все здесь напоминало Землю настолько, что вряд ли могло быть простым совпадением.

Я вздохнул, придвинул стул и сел.

– Ладно, – сказал я. – Давай разберемся кое в чем.

– Я ничего не знаю, – проговорила она отрешенно.

– Кое о чем ты, во всяком случае, знаешь больше, чем я.

Она лишь пожала плечами.

Я немного помолчал, систематизируя в уме вопросы, которые должен был задать ей.

– Кто вы?

Она покосилась на меня.

– А ты не знаешь?

Я покачал головой. Теперь она посмотрела внимательней и как-то странно. Вздохнула.

– Знаешь!.. Хорошо. Мы – люди от людей!

Это ничего мне не говорило.

– Я и сам вижу, что люди, а не лошади. – Не знаю, почему я вдруг подумал о лошадях, это было смешно, но я не стал смеяться. – Вас много?

– Больше, чем вы думаете.

– Мы? Ты знаешь, кто мы?

– Еще бы! – Она холодно улыбнулась. – Ты переоделся, но мы всегда узнаем вас. Меня ты нашел, но остальных не найдешь.

Я вздохнул и потер ладонями виски.

– Нуш, милая, – сказал я. – Да, черт... Как тебя зовут?

– Какая тебе разница? – нахмурилась она. – Зови меня Анной. Доволен?

– Анна, – пробормотал я, пробуя имя на вкус. Хорошее имя, но я привык к другому и не хотел от него отказываться; недаром в старину верили, что узнать имя – значит, получить власть. – Анна... Красиво, но это не для тебя. Если не возражаешь, я буду звать тебя Нуш. Это тебе идет.

Она внимательно посмотрела на меня, опустила глаза и снова подняла, и движение это было мне до боли знакомо. Она спросила:

– Ты любил такую женщину?

– Продолжаю, – ответил я кратко, потому что сейчас мне не хотелось говорить об этом: слишком много было неясностей. – Знаешь, давай сначала поговорим о непонятном.

Она подняла брови.

– Ты не торопишься увести меня.

– Куда спешить?

– А, ты ждешь, пока подойдут ваши? Боишься, что мои друзья тут неподалеку?

– Твои друзья, мои друзья... Ты ведь совершенно не знаешь, кто я, кто мы...

– Я ведь сказала тебе: знаю.

– Да нет же! Ты приняла меня за кого-то... боюсь, не очень хорошего. Давай разберемся. – Я вздохнул: уж очень я не любил разбираться в отношениях, но на сей раз, кажется, без этого было не обойтись. – Мы очень похожи; странно, до невероятности похожи.

Она взглянула на меня с недоумением; и в самом деле, весьма смело было сравнивать себя, молотого жизнью мужика около пятидесяти, с красивой девушкой, которой наверняка не было еще и двадцати пяти.

– Да нет, ты не поняла. Не ищи зеркального отражения...

– Тогда совсем не понимаю, – сказала она. – Что может быть общего между нами и вами – людьми от Сосуда?

– Откуда?

– Ты же человек от Сосуда – иначе зачем ты преследуешь меня?

– Да вовсе я не преследовал тебя! Я наткнулся на тебя случайно, просто зашел... И что значит – человек от Сосуда?

– Ты не то говоришь, совсем не то. Перестань притворяться. – Сейчас в глазах ее горел гнев, но она и во гневе была прекрасна, как когда-то. – Откуда ты взялся, что не знаешь, кто такие – люди от Сосуда?

– Ладно, слушай, – сказал я. – Я и правда не знаю, и никто из нас не знает. Мы прилетели издалека... из другой звездной системы. – Тут спохватился. – Ты знаешь, что такое – звездная система?

– Да, – она взглянула на потолок – невысокий, рейчатый. – Слышала еще в школе. Но... разве там, на звездах, живут люди? Такие же люди, как мы?

– И я тоже удивляюсь, – откровенно признался я. – Ты представить себе не можешь, как это странно: прилететь в такую даль – и встретить людей, не только до малейшей детали похожих на нас, но и говорящих на том же самом языке. Это не может быть случайностью; тому должна быть причина. В чем она заключается? Я хочу понять...

Она смотрела на меня, по ее лицу было видно, как вера в ней боролась с недоверием.

– Очень странно... – сказала она медленно. – Но ты и в самом деле хочешь, чтобы я тебе поверила?

– Господи, чего же еще я хочу?

– Ты правда говоришь чуть-чуть не так, как мы... но это ничего не значит. Ну хорошо. – Было видно, что она решилась. – Хочешь, чтобы я поверила, – тогда разденься.

Я понял бы, если бы мне предложили взять в руку раскаленный уголь и держать его, сколько потребуется, чтобы доказать, что я не вру. Но что касается раздевания... Я вовсе не против того, чтобы раздеваться в присутствии женщины, но далеко не во всех случаях, и... вообще.

– Раздевайся! – нетерпеливо повторила она. – Ты же знаешь, что я хочу увидеть!

Я, наверное, выглядел в тот миг страшно глупо, потому что ничего не мог понять.

– Ну? – Она топнула ногой.

– Ладно, – сказал я хмуро.

В самом деле, есть и еще одна ситуация, когда можно раздеться в присутствии женщины. Представь себе, что ты пришел к врачу, – и ее требование покажется тебе вполне естественным.

– Ну пожалуйста, – сказал я и расстегнул комбинезон. – Ты скажешь, когда надо будет остановиться.

Раздеваться мне никогда не было неприятно: для своих лет я выглядел неплохо, а те невзгоды, что оставляют следы на нашем лице, обычно не накладывают отпечатков на тело – если, конечно, вы не прошли через войну. Я скинул комбинезон и повесил его на спинку стула. Снял рубашку. Девушка смотрела в сторону.

– Еще?

– Сними это, – она ткнула пальцем мне в грудь.

Я стянул майку и стоял перед ней, опустив руки и чуть вобрав живот. Теперь она повернулась ко мне, и мне показалось, что она сейчас вытащит откуда-нибудь фонендоскоп и начнет привычное «дышите – не дышите». Но ничего такого не произошло. Она просто посмотрела мне на живот. Сначала мельком. Потом чуть нагнулась и всмотрелась повнимательнее. Наконец посплюнула палец и крепко потерла кожу около пупка.

– Щекотно, – сказал я хмуро.

Она взглянула мне в глаза.

– Правда... Неужели у тебя никогда не было этого?

– Да чего, черт побери, чего?

– Знака Сосуда. Опять ты притворяешься...

– Ладно, – сказал я сердито. – Можно одеваться?

Мне подумалось, что теперь было бы неплохо заставить раздеться и ее под каким-нибудь столь же нелепым предлогом, и я даже представлял себе, что увидел бы, – начиная с определенного возраста мужчины неплохо отличают женщину от того, что на ней надето, – но я знал, что по отношению к Нуш никогда не позволил бы себе ничего такого.

– Ну, а что теперь сделать? Может, встать на голову? Или полетать по воздуху, извергая пламя?

Она не обратила внимания на мое раздражение. И это тоже отличало ее от Нуш, которая непременно спросила бы: «Ты обиделся?»

– Хорошо... Так о чем ты хотел спросить меня?

Я закончил одеваться, затянул замок комбинезона.

– Кто вы?

– Как это – кто мы? Ну, люди...

– Да. Это-то и удивительно. Откуда вы здесь взялись?

– Это я должна спросить тебя. Потому что мы живем здесь с самого начала.

– А когда было это начало? Ну, учила же ты в школе историю?

Она кивнула.

– Да, но только в школе учат, что мы произошли от Сосуда. А мы думаем, что – от людей. Что в самом начале были люди.

– А что такое – Сосуд?

– Странно все же, что ты не знаешь. Он находится в столице. Вообще-то это такой большой дом. Оттуда произошли и самые первые люди, и все мы. Так учат в школе. Мы развивались и достигли Уровня. Теперь у нас Уровень.

– Уровень чего?

– Ну, то, как мы живем, называется – Уровень.

– И каков он, этот Уровень? Как вы живете?

– Хорошо, – сказала она. – Нам хорошо.

Я усмехнулся.

– Хорошо – а ты боишься, как бы тебя не схватили...

– Ну, – сказала она, – это другое. Не Уровень. Хотя, может быть, и как-то связано с ним. Понимаешь, мы – такие, как я, – не верим, что мы произошли от Сосуда. Потому что в таком случае – откуда взялся сам Сосуд?

– Сложная философская проблема, – заметил я.

– Я не знаю, почему нельзя думать, что и до Сосуда были люди. В школе объясняли: думать так не следует потому, что тогда возникнет вопрос, откуда произошли те люди, что были до Сосуда, и так далее – и возникнет так называемый порочный круг.

– А почему ты думаешь, что такие люди были?

- Не знаю... Может быть, потому, что так думали мои родители?
- Сосуд, ты говоришь... – Я вдруг подумал, что сосудом этим мог быть и космический корабль – вполне мог бы... – Как он выглядит?
- Я уже говорила: большой дом...
- А внутри? – Здание могло быть и просто павильоном, воздвигнутым вокруг корабля – или того, что от него осталось. – Внутри ты была?
- Что ты, конечно, нет. Туда никого не пускают.
- Значит, это не музей?
- Нет. Музеи у нас есть – там всякие предметы, какими мы пользовались до того, как достигли Уровня. Сосуд – вовсе не музей.
- Может быть, что-то вроде храма?
- Храм – что такое?
- Вы верите в Бога?
- В Бога?
- Ну, молитесь, просите о чем-то... обращаетесь к небу...
- К небу? Да. Но мы не просим, мы хотим. Чтобы солнце всегда светило.
- Значит, вы верите в солнце?
- Оно же есть – зачем в него верить? Мы верим в то, что мы – от людей. Они, другие, верят в Сосуд. И в Уровень.
- Но Уровень ведь тоже есть – зачем в него верить?
- Мы живем хорошо, я тебе сказала. И они говорят, что, если мы захотим как-то изменить Уровень, станет хуже. И всегда заботятся о том, чтобы не изменить Уровня, не изменить чего-нибудь. Чтобы все было, как вчера.
- А ты?
- Я... Среди нас есть такие, кто говорит, что это неверно. Что нужно развитие.
- А что говорят те... ну, кто у вас главные?
- Хранители Уровня?
- Да-да, они.
- Они говорят, что развитие должно быть. Но не такое. Не изменение Уровня. Они говорят, что развитие должно быть в наших отношениях. Мы должны больше любить друг друга и всех-всех. И еще развиваться физически. Участвовать в играх, ну и все прочее.
- А форма собственности у вас какая?
- Я не понимаю.
- Ну, кому принадлежит то, чем вы работаете и на чем работаете, кому принадлежит земля и то, что на ней растет...
- Ты знаешь, я не думала. Как-то не приходилось. А что?
- «Милая Нуш или Анна, – подумал я, – по этой части у тебя слабо, ничего не поделаешь. Но очень здорово, что я наткнулся на тебя, а не на какого-нибудь местного академика».
- Значит, вот какие у вас дела. Скажи, а что делают с вами, когда ловят?
- Учат. Внушают нам, что мы произошли от Сосуда.
- А с теми, кто говорит о развитии?
- С теми? – Она задумалась. – Право, не знаю. Говорят, их переселяют куда-то в другое место. Туда, где роют ямы и строят башни. Это далеко на юге, где ничего не растет.
- Ага, – проговорил я. – Башни... Так. А кто живет в этом городе?
- Ты же видишь: никто.
- А ты?
- О, я не живу здесь. Только переночевала.
- Почему? – Я вдруг почувствовал, как давно забытое, казалось бы, чувство ревности поднимается в груди, подступает к горлу. – У тебя здесь свидание?

Она отвернулась и стала глядеть в окно.

– Опять ты...

Что за дьявол: я снова забыл, что она – не Нуш!

– Прости... Глупо, конечно. Прости. Но все-таки почему ты вдруг оказалась тут?

– Тебе не надо знать, – сухо ответила она, не поворачиваясь.

– Ну и ладно. А почему здесь не живут?

– Раньше жили. Но оказалось, что он слишком близко... к месту, где есть что-то...

– Ну, пожалуйста, говори так, чтобы я мог понять.

– Да не могу я иначе! Там находится что-то... Туда нельзя ходить. Только с разрешения Хранителей Уровня...

– Святой Уровень! Что же там находилось такое?

– Не знаю, пойми. Не знаю. Здесь, в городе, жили люди, как все живут. Но однажды кто-то из них наткнулся в лесу на... это. Хранители встревожились: говорят, могла случиться какая-то беда. Того человека отправили строить башни, всех других переселили, и сам город собираются разрушить. Поэтому сюда нельзя ходить.

– Но ты все-таки пришла. Решила пробраться туда и посмотреть, что же там находится. Я прав?

Анна молчала.

– И, наверное, даже не одна?

Она тихо спросила:

– Хочешь, чтобы я тебе верила?

Голос был необычен, и вопрос так напомнил мне то, давнее...

– Хочу, – сказал я очень искренне. Я хотел. Я ведь любил ее, не задумываясь о том, кого же в конце концов люблю сейчас: Нуш прошлого или нынешнюю Анну.

– Тогда не спрашивай.

– Не буду. Но меня очень заинтересовал твой рассказ. Ты знаешь, где находится то место?

– Нет. Надо найти тропинку, одну из ведущих к лесу...

– А далеко идти? – Мне не улыбалось бродить по здешним чащам.

– Я слышала – если выйти утром, к обеду можно добраться.

– Солдатская норма – тридцать километров... Нет, это я сам с собой... Как ты думаешь, там можно увидеть что-нибудь сверху?

– Наверное, там должно быть что-то очень большое – иначе его просто увезли бы и не стали разрушать город.

– Ты прав. Конечно, очень большое, – согласился я, представив наш корабль, лежавший на орбите, невидимый отсюда. – Значит, сверху можно что-то разглядеть.

– Мы пробовали смотреть отсюда с самого высокого дерева. Но, наверное, слишком далеко.

– Я не имел в виду дерево. Ладно, пока достаточно. Пойдем?

Но она не решалась.

– Ты что – боишься?

Она чуть покраснела.

– Нет... Но мне надо еще побыть здесь.

– Понимаю. Но очень важно, чтобы ты пошла со мной. Важно для вас всех. А твоих друзей мы обязательно разыщем потом.

Контакт, думал я. Тот самый контакт, о котором рассуждал Шувалов. А для меня – такой, о каком и мечтать нельзя. Даже если бы не было нужды в контакте, я все равно никуда не отпустил бы ее, чтобы не потерять совсем. Но любая другая девушка и не поехала бы со мной, а она посмотрела мне в глаза и все поняла. Во всяком случае, я поверил, что она поняла. Очень хотелось надеяться, потому что, попытайся я выразить все словами, она не стала бы слушать.

Слова должны созреть, они подобны растениям, а взгляд происходит мгновенно, как молния, и, как молнии, ему веришь сразу.

– Хорошо, – сказала она. – Я пойду с тобой. – Она подхватила свою сумку, довольно объемистую, которой я и не замечал раньше.

– Дай, я...

Она отдала сумку.

Было просто невозможно не поцеловать ее, как я всегда делал на прощание, хотя сейчас мы не прощались. Но она так удивленно взглянула на меня, что я понял: то время прошло, а другое еще не настало.

Мы вышли в прихожую. Теперь и я ощутил тот прохладный, мертвый запах, что наполняет нежилые, покинутые дома. Дверь затворилась за нами. Анна уверенно направилась к калитке – она оказалась совсем с другой стороны. Мы вышли.

Чтобы попасть на то место, где я перелез через забор, пришлось искать переулок. Шувалова там не было. Я крикнул:

– Шувалов! Где вы?

Анна схватила меня за руку:

– Нельзя так громко!

– Нет же никого.

– Откуда ты знаешь?

Я пожал плечами. Шувалов исчез, не подав никакого знака, не оставив следа. Искать его? Хотя городок и невелик, но одного человека, особенно если он не стоит на месте, можно было проискать целый день – и не найти. У этих современных ученых что-то в голове было не в порядке, они не понимали, что такое опасность... Но я все же надеялся, что он вернулся к катеру и ждет меня там.

– Ты был не один? – спросила Анна.

– Вдвоем.

– Может быть, его увидели...

– Кто?

– Я же говорила: здесь нельзя быть.

Шувалов, конечно, не туземец, и все же тут я начал тревожиться.

– Пойдем, – сказал я решительно.

И мы направились туда, где в высокой траве отдыхал мой катер. Анна шла рядом; я покоился на нее, вдохнул душистый воздух и порадовался, что дожил до этого дня.

Шувалова у катера не было, только какие-то козьявки грелись на матовой голубоватой обшивке.

– Плохо дело, – откровенно сказал я. – Слушай, а если его действительно кто-то увидел, что с ним могло случиться?

Она задумалась.

– Увезли, наверное...

– Куда?

– Надо поговорить с ребятами – может быть, они что-то видели, знают...

Наверное, ничего другого не оставалось. Я откинул купол и жестом показал девушке: милости прошу. Она задержалась лишь на миг, потом храбро перешагнула через невысокий бортик и села – на мое место. Я сказал: «Нет, вон туда», и она послушно пересела. Тогда сел я, защелкнул купол, и сразу стало прохладно: я не выключал кондиционера, день обещал быть жарким. Я посмотрел на Анну и улыбнулся, и она улыбнулась тоже; думаю, трусила она основательно, но старалась не показать этого – молодец.

Я включил рацию и вызвал корабль. Кроме шума и треска, я ничего не услышал. Помехи были такими, словно неподалеку работала мощная силовая установка, – а ведь ее здесь быть не

могло. Я попробовал резервную частоту – с тем же результатом. Это мне очень не понравилось, но медлить было нельзя.

– Ну, – сказал я, – тронулись?

Она моргнула; видно было, что вопрос так и вертелся у нее на языке, но она удержалась и не задала его. Я счел это благим признаком; если бы я для нее абсолютно ничего не значил, она спросила бы – когда женщина любопытствует, мало что может заставить ее промолчать. Но она боялась показаться дурочкой – и можно было надеяться, что мое мнение для нее что-то значит; для начала очень неплохо.

Я включил стартер, и гравифаг затянул свою унылую песенку.

Глава седьмая

Судья Восьмого округа медленно разбирал донесение:

«Мы, назначенные вывозить имущество из города, где не должно быть никого, встретили там человека, которого не знаем. Он шел по улице и кричал, потом остановился и бормотал что-то.

Он одет не так, как мы, и говорит не совсем так, но понять его можно и он понимает нас.

Мы спросили, зачем он здесь. Он отвечал, что должен обязательно увидеть самых главных владетелей. Он сказал, что нам грозит очень большая беда и он научит нас, как от нее спастись. Мы спросили, какая беда. Он ответил, что она придет от солнца. Мы успокоили его, сказав, что смотрим на солнце, и спросили, откуда он. Он сказал, что прилетел с неба. Мы поговорили с ним еще. Оказалось, что он не знает многих простейших вещей, какие известны и детям, покидающим Сосуд. Было бы слишком долго перечислять все, чего он не знает.

Мы думаем, что он не злоумышленник, а просто сошел с ума. И решили не оставлять его в городе, где не должно быть никого, а привезти к тебе, чтобы ты отправил его лечиться. Он не сопротивлялся, потому что мы сказали, что ты имеешь власть.

Это донесение мы отправляем тебе на самой быстрой лошади, а человека везем на телеге, потому что он или совсем не умел ездить верхом, или разучился, когда заболел. Так что ты успеешь много раз прочесть написанное нами, прежде чем он прибудет к тебе.

Будь здоров, и да не оставит тебя Красота.

Старшина возчиков Восьмого округа Тедор Грек».

* * *

Его повели по улице не грубо, но настойчиво. В переулке стояла запряженная четверней повозка с высокими, в рост человека, бортами, но без крыши; задний борт был откинут и опирался о землю. Шувалову помогли подняться. Вдоль бортов были прилажены неширокие деревянные скамейки. Задний борт закрыли, и повозка тронулась. На ухабах ее трясло, и Шувалов болезненно морщился. Трое или четверо верховых ехали сзади, и время от времени один или другой из них, приблизившись, заглядывал поверх борта и бросал несколько успокоительных слов:

- Не бойся, все будет хорошо.
- Скоро ты сможешь все рассказать!
- Долго нам ехать? – спросил Шувалов.
- Пока не приедем.

Дороги Шувалов не видел. Сверху было синее безоблачное небо, иногда в повозку падала тень – когда над дорогой нависал длинный сук дерева. Видимо, дорога была обсажена деревьями, потому что, как помнил Шувалов, вокруг была степь и лишь на горизонте они с Ульдемиром видели узкую полосу леса. Колеса поскрипывали, изредка слышались короткие выкрики, обращенные, вернее всего, к лошадям, да ударялся снаружи в повозку отброшенный копытом камешек. Если бы не тряска, можно было бы обстоятельно поговорить, но сейчас велика была опасность прикусить язык. Тем не менее упустить такую прекрасную возможность получить информацию было бы непростительно.

Шувалов выждал, пока один из всадников не приблизился снова.

– Друг мой! Скажите, пожалуйста.

Верховой неожиданно рассмеялся – весело, но не обидно.

– Ты очень насмешил меня, – проговорил он наконец. – Обратился ко мне так, как будто меня – много. Где ты научился так говорить?

– Я всю жизнь говорю так. Но оставим это, я хочу тебя спросить вот о чем: вас тут много?

– Ты не умеешь считать до пяти?

Остальные всадники тоже приблизились, теперь двое ехали по бокам телеги, двое – сзади, где тоже было все слышно.

– Ты наверняка умел, – сказал ехавший слева. – Ничего, тебя вылечат, ты вспомнишь.

– Я спросил вот о чем: много ли людей живет в вашей стране?

Первый всадник задумался, равномерно поднимаясь и опускаясь в такт шагу лошади.

– Знаешь, я никогда об этом не думал. Мое дело – грузить и возить, и каждый день ранним утром я узнаю, что и где я должен взять и куда отвезти: иногда хлеб или мясо, иногда вещи, сделанные мастерами, сегодня вот должен был вывозить домашнюю утварь из пустого города, а вместо нее вот везем тебя, но сразу же вернемся туда. Да, вот это я знаю, а сколько людей – не могу сказать тебе. Видишь ли, мир велик: есть Уровень, есть Лес, а есть и Горячие пески, где стоят башни. И везде живут люди.

– Но сколько живет в вашем городе, ты знаешь?

– О, наш город большой, окружной, у нас есть суд. Сколько людей? Ну вот, когда я развожу мясо, я беру телегу в полтора раза больше этой и объезжаю город один раз, и никто больше в тот день мяса не возит.

– Так, так; сколько же мяса съедает в день каждый из вас?

– Столько же, сколько и ты, я думаю.

– Я? Откровенно говоря, я сторонник растительной пищи... А что вы едите, кроме мяса?

– Что и все: хлеб, овощи. Иногда рыбу...

– Очень интересно. А что возишь ты, когда едешь к мастерам?

– Иногда плуги и бороны, иной раз столы и стулья, а то забираю у ткачей полотно и везу швеям. Но кто может перечислить все? Легче пересчитать лепестки на кусте сирени весной, когда ее запах струится в крови...

– О! Как ты говоришь!..

– Тебе кажется смешным, когда говорят так? Разве там, где живешь ты, не любят красоты?

– В чем же, по-твоему, красота, друг мой?

– Боюсь, ты и вправду болен. Красота во всем. Встань и выгляни через борт: разве деревья не красивы, и степь, что за ними, и изгиб дороги, и лошади, которым легко тащить телегу? И небо, и шелест ветра.

– Да, это очень красиво. А солнце – тоже?

– Мы смотрим на него каждый день. Как и вы все: не говори, что вы не смотрите на него. Мы смотрим и молчим, не отвлекаемся – смотрим и думаем... Но ты смеешься надо мной, заставляя рассказывать то, что знают все!

И всадник, нахмурившись, отстал.

Люди, думал Шувалов. Такие же, как мы. И язык. Великое везение. Или совпадение?.. Уровень этой поэтической цивилизации явно невысок: цивилизация познается прежде всего по ее дорогам... Нет, безусловно, не совпадение, а закономерность: на таком в общем-то небольшом удалении от Земли вряд ли могла возникнуть принципиально иная жизнь – Вселенная не так богата разумом... Что это: жизнь, имеющая с нами общий источник, или это – наша ветвь? Можно было бы сомневаться, если бы не язык – это наш язык, и можно даже определить эпоху: общий язык на Земле возник далеко не сразу. Эпоха тех, самых первых звездных экспедиций. Потомки и родственники землян. Значит, мы должны спасти не кого-нибудь, а своих братьев, даже не двоюродных – родных. Но уже много столетий минуло с тех пор, как их предки покинули Землю, и трудно сказать, какова суть этой маленькой цивилизации. Первое впечатление –

благоприятное. И все же он остерегся сказать им, что в городе остался Ульдемир. Что-то оставило. Что: интуиция? Еще что-то? Может быть, капитану следовало бы находиться здесь, рядом? Хотя – зачем? С контактом он, Шувалов, справится. Плохо только, что нет возможности связаться с кораблем. И никто не будет знать, где искать его.

Впрочем, беда невелика. Как только он договорится с правителями, он объяснит им, как найти остальных: кто-нибудь из экипажа, надо полагать, будет постоянно дежурить на месте сегодняшней высадки. Хорошо, если бы они этим и ограничились...

Ну и колдобины!.. Да, приятные люди, но наивные. «Мы глядим на солнце». Глядеть, друзья мои, можно сколько угодно, от этого никому легче не станет. Тут нужны куда более действенные средства. Стихийная наивность. Зато они красивы. Так же, как и мы. Одеваются странно, но приятно для глаз. Интересно, это здешняя мода или унаследована от эпохи, когда улетели их предки? Ах, как пригодился бы тут историк!..

Повозка поскрипывала, глухо стучали копыта лошадей.

* * *

С раннего утра Аверов с головой ушел в работу: звезда была здесь, рукой подать, и можно было более тщательно разобраться в тех процессах, что в ней происходили, и понять, каким же временем экспедиция располагает. Модель давала немалый разброс: взрыв мог произойти и через год, и через десять, считая от нынешнего дня. И прошло немало времени, пока он не спохватился, что ничего не ел, не получал никакой информации и совершенно не знает, что происходит на свете.

Он ввел в компьютер программу, убедился, что она принята, и направился вниз – в Центральный пост.

Он нашел там Уве-Йоргена. Пилот курил, глядя на экран, на котором неторопливо поворачивалась планета.

– Здравствуйте, Уве-Йорген. Простите, не помню, виделись ли мы сегодня.

– О, да. Перед выходом группы.

– Они еще не вернулись?

– Еще и не время.

– Никаких сообщений?

– Никаких, доктор. Наверное, просто не обнаружили ничего интересного. Не беспокойтесь, вернутся в срок. Капитан, судя по его словам, в свое время был на военной службе. Значит, у него есть подлинное представление о том, что такое дисциплина и точность.

– Вы так чтите дисциплину? А мне казалось, что рыцари... Да, я давно собираюсь спросить: вы действительно участвовали в крестовых походах?

Уве-Йорген затянулся, выпустил дым в направлении экрана, так что планета на нем как бы окуталась облаками.

– Да, в одном таком походе я участвовал. Правда, не знаю, поступил бы так же сейчас – но прошлого не вернуть. Прямо оттуда я и попал к вам, что означает, что в конце концов мне не повезло... Но это скучная тема, доктор. Что нового у вас?

– Ну, знаете, конкретно пока сказать затрудняюсь, более или менее точные цифры будут чуть позже. Но по первым впечатлениям – неутешительно: вряд ли нам удастся выступить в роли спасителей. Хорошо, если нашей делегации удастся быстро убедить население, которое там, по-видимому, действительно есть...

– Вот в этом вы можете не сомневаться, – вставил Уве-Йорген.

– Предположим, людей там совсем немного – пусть хотя бы сто тысяч человек...

– Думаю, их больше.

– ... Попробуем рассчитать все применительно к этой величине, коррективы можно будет внести потом. Возможности корабля вы знаете лучше меня. Сколько человек мы смогли бы вывезти в один прием?

– Ну, подсчитать нетрудно. Если предоставить каждому человеку объем в два кубометра – считая с проходами и прочим дополнительным пространством...

– Два кубометра? Так мало? – Аверов озадаченно покачал головой, высоко подняв брови. Уве-Йорген прищурился.

– Поверьте, доктор, люди, не избалованные комфортом, могут довольно долго существовать и в таком объеме. И остаться в живых. Тем более что тут их будут кормить, снабжать нормальным воздухом, температура будет оптимальной и так далее; и им не придется ни дробить камень, ни валить лес... Ну подвижность будет в какой-то степени ограничена – но ведь это ненадолго...

– Сколько же времени может занять такой рейс в один конец? Мы летели...

– В общем, мы не торопились. Но при таких пилотах, как мы с Питеком, – два месяца. Вполне прилично. Но вернемся к количеству людей. Предположим, что мы выкинем из корабля все, без чего можно лететь, оборудуем в каждой палубе трех- или даже четырехъярусные... м-м... назовем их ячейки, допустим, – тогда за один рейс мы заберем примерно шесть тысяч человек. Если их всего сто тысяч, значит – семнадцать рейсов. Два месяца туда, какое-то время там – для проверки и обслуживания корабля, два месяца обратно – то есть менее трех рейсов в год. Вся операция займет шесть лет.

Оба помолчали.

– Но, может быть, – проговорил затем Рыцарь, – на Земле можно наладить строительство других кораблей...

Аверов покачал головой:

– На это уйдут годы. Никто не собирался... Вы знаете, что и наш корабль возник только из-за чрезвычайной надобности, из-за смертельной угрозы... Нет, разумеется, что-то построить можно, но второй корабль мог бы вступить в строй лишь тогда, когда мы так или иначе заканчивали бы...

– А другие планеты?

– Там тоже лишь обычные внутрисистемные корабли – ничего общего с тем, что нам нужно.

– Значит, – подвел итоги Уве-Йорген, – рассчитывать в любом случае мы можем только на самих себя. Если только у нас есть эти шесть лет, то ничего страшного – поднатужимся и сделаем. А вот если такого времени у нас не будет...

Аверов ответил не сразу:

– Это мы узнаем очень скоро.

* * *

– Вот он, судья. Мы доставили его, как полагается.

– Вы поступили хорошо. Скажи, искал ли он дорогу к запретному месту?

– Этого мы не видели. Но он был в городе, где никого не должно быть.

Шувалов огляделся. Комната была небольшой, на возвышении стоял стол, за ним сидел пожилой человек в одежде того же покроя, какая была на остальных, – короткие штаны, просторная рубашка, надеваемая через голову. Сесть было не на что.

Судья оглядел его, не скрывая любопытства.

– Ты странно одет, – сказал он Шувалову; голос звучал доброжелательно: – Где так одеваются?

– М-м... там, откуда я прилетел.

Судья засмеялся.

– Летают птицы, – сказал он. – Ты приехал или пришел. Вряд ли ты пришел издалека: слишком мало на тебе пыли. Значит, ты приехал. Повозки твоей не нашли, верхом ты не едешь. Кто-то привез тебя. Теперь ответь, пожалуйста: кто привез тебя в город, где никого не должно быть? Зачем привез? Откуда? Почему ты говоришь не так, как все? Так – и все же не так. Зачем тебе нужны Хранители Уровня?

– Я не знаю, кто это такие.

– Ты ведь хочешь говорить с теми, у кого власть. Это и есть Хранители Уровня. Они живут в столице. Разве ты не знаешь? Трудно поверить. Я хотел бы услышать твои ответы на мои вопросы прежде, чем решу: отправить ли тебя к Хранителям или поступить как-нибудь иначе. Поэтому чем скорее ты ответишь, тем будет лучше для нас обоих. Ты заметил, что здесь даже не на что присесть? Потому что тут никто не задерживается надолго: отвечает – и все.

– Мне нужны Хранители Уровня, – сказал Шувалов. – Дело мое чрезвычайно важно. Оно не терпит отлагательств. Его можно решить только там, где сосредоточена вся власть. И поэтому я очень прошу как можно быстрее доставить меня в столицу.

– Ты здоров?

– Совершенно. Я, правда, немного устал.

– Ты все же не отвечаешь на мои вопросы. Хорошо, будем разговаривать дальше. Тебя задержали в городе, где никого не должно быть. Ты что, не знал о запрете?

– К сожалению, нет. Дело в том, что...

– Очень странно, понимаешь ли. Все знали, а ты не знал. А не знать было мудрено: об этом объявлялось трижды, громко и повсеместно. Где же ты был, что не слышал?

– В таком случае, судья, разрешите, я буду рассказывать все по порядку.

– Я ведь ничего другого и не хочу. Кстати, как твое имя?

– Вас интересует фамилия? Шувалов.

– Я запишу. Значит, Шувалов. Ну, рассказывай, Шувалов.

– Я должен сказать, сколь невероятным вам ни покажется, что я – и несколько других – прибыли к вам из совершенно другой звездной системы. Оттуда, откуда прибыли ваши далекие предки...

– Остановись! – перебил его судья, предостерегающе подняв руку. – Остановись, потому что в твоих словах – преступление, и, если ты станешь продолжать, мне придется наказать тебя. Ты мог не знать, что в тот город нельзя заходить, ну пусть, я могу в конце концов поверить тебе: я доверчив по природе. – Судья усмехнулся, и люди, что привезли Шувалова и теперь с интересом слушали, засмеялись негромко и добродушно. – Но никто, слышишь, – никто не поверит, что ты, прожив немало лет – а ты никак не моложе меня, – не знаешь, что учение о прилетевших откуда-то предках является ложным и запрещенным и что каждый, распространяющий его, должен быть наказан. Не продолжай – и я обещаю забыть, что ты произнес запретные слова.

– Но если в словах заключена истина...

– В них нет истины, Шувалов. Так, как ты, могут думать лишь лесные люди – те, кто не признает Уровня. Скажи уж откровенно: ты принадлежишь к ним, не так ли?

– Судья, – сказал Шувалов, нервничая все больше, – я не знаю, кто такие лесные люди, что они думают и чем занимаются. У нас нет ни малейшей информации о ваших внутренних делах, но та опасность, о которой я должен вас предупредить, касается и их, и вас, вообще всех, кто живет на вашей планете.

– Ты ничего не знаешь о них? Не очень-то верится. Но пусть будет по-твоему: ложь проявится. Что же за опасность грозит нам? Может быть, где-то началась повальная болезнь, и ты поспешил, чтобы мы успели принять меры? Скажи, и мы сделаем все возможное, чтобы

уберечь людей от заразы. Но где могла появиться такая болезнь, если опять-таки не в лесу, в том лесу, куда никто не имеет права заходить? Ну, говори: ты принес весть о болезни?

– Хуже, судья. Намного хуже...

– Что может быть хуже? Впрочем, облик твой говорит, что ты никогда не болел и, значит, не представляешь, что это такое. Ну хорошо, попробую еще раз помочь тебе. Если не болезнь, то, может быть, где-то расплодились хищники и начали кидаться на людей? Весьма серьезная опасность для окраинных поселков, и ты прав, сообщая о ней. Так?

– Судья, послушайте: то, что надо сообщить, знаю я, а говорите пока больше всего вы. Можно ли таким способом найти истину?

– Ты учишь меня, как вести суд? Не надо, Шувалов, это я давно знаю. Хорошо, расскажи же, наконец, в чем заключается твое знание.

– Опасность, судья, куда больше, чем все, что ты можешь себе представить. Солнце...

– Ах, солнце! – прервал его судья с глубокомысленно-ироническим выражением. – Да, конечно, солнце, как же я об этом не подумал! Что же грозит ему? Его проглотит дракон? Украдут лесные люди? А может быть, ты просто вычислил, что предстоит засушливое лето? Но Хранители Уровня знают все лучше тебя, поверь мне!

– Верь или не верь, но солнце скоро взорвется, судья, и нигде не останется ничего живого!

Возчики снова засмеялись, на этот раз громче и веселее. Судья посмеялся тоже.

– Ах, такова, значит, опасность, о которой ты спешишь сообщить! Да, действительно, страшная опасность! Можно подумать, что ты никогда не смотрел на солнце... Нет, по моему суждению, ты все-таки нездоров. У тебя отшибло память, и ты не понимаешь самых простых вещей. Но не унывай, тебя излечат...

– Судья! – крикнул Шувалов. – Почему вы мне не верите? Посмотрите внимательно: разве я такой, как вы? Разве я так же одет? Кроме того... взгляните на это, например. – Он достал из кармана компиблок, включил; из плоской коробочки раздался голос, он пел песню: иногда Шувалов работал под музыку. Все молчали, пока он не выключил блок.

– Покажи-ка мне, – сказал судья.

Он внимательно осмотрел блок, включил – голос зазвучал снова – и тут же выключил. Положил на стол.

– Нет, лучше бы тебе ничего не показывать, – сказал он невесело. – Не знаю, что ты хотел доказать, но на деле добился лишь одного. Вот, – он указал пальцем на блок, – доказательство самого опасного преступления!

– Не понимаю, – пожал плечами Шувалов. – Что, у вас, друг мой, не разрешается петь?

– У нас поют все, пой и ты, если тебе весело. Но не говори, что тебе незнаком закон сохранения Уровня, – ты учил его еще в школе! И знаешь, что совершать или изготавливать что-то, нарушающее Уровень, – одно из самых тяжелых преступлений, а может быть, и самое тяжелое. И тут уж ничего не надо доказывать: вот он, факт, лежит на столе! Да и твой наряд тоже говорит о нарушении Уровня. Так что...

– Но сколько же можно втолковывать, что я не знаю ничего подобного! Я не здешний, я с другой планеты, с другой звезды!

– Ладно, ладно, – миролюбиво сказал судья. – Может быть, ты прав: лучше оказаться сумасшедшим, чем нести ответственность по закону о нарушении Уровня. Хотя, раз ты ничего не знаешь, то для тебя, пожалуй, окажется новостью и то, что уличенных в нарушении этого закона посылают далеко на юг, в Горячие пески, где не растет ничего, и там они строят башни – а это тяжелый труд. Вот что грозит тебе, и, конечно, пусть лучше тебя осмотрят врачи и решат, действительно ли ты тронулся умом или притворяешься. А твою вещь, – он снова указал на блок, – да и наряд тоже я отправлю в комиссию по нарушению Уровня, и пусть она решает, насколько это нарушение было серьезным. Возьмите его, ребята, и отведите, пусть его пере-

оденут в то, что носят все люди, а его одежду принесут мне сюда. До свидания, Шувалов, мы еще увидимся.

Шувалова вывели во двор. Распряженные лошади стояли в стороне, каждой бросили по охапке сена.

– Ничего, – сказал один из возчиков, – доктора тут хорошие.

Шувалов не ответил. Он вообще перестал, кажется, обращать внимание на то, что происходило вокруг него. Первая попытка контакта не принесла успеха... Вспышка Сверхновой вдруг представилась ему во всем ее величественном ужасе, и по сравнению с ней все остальное было мелочью, не заслуживавшей ровно никакого внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.